

Узакщный детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Рукопашная
с Мендельсоном

Пиковая дамочка Лайма Скалбе

Галина Куликова

Рукопашная с Мендельсоном

«ЭКСМО»

2014

Куликова Г. М.

Рукопашная с Мендельсоном / Г. М. Куликова — «Эксмо»,
2014 — (Пиковая дамочка Лайма Скалбе)

ISBN 978-5-699-72325-6

Лайма Скалбе, командир группы «У» спецподразделения службы безопасности, которое выполняет задания особой секретности, решила положить конец своей полной опасностям и приключений жизни и выйти замуж. Молодой, красивый, состоятельный мужчина сделал ей предложение – и она сказала «да». Но агент не может просто так выйти из игры! Бесстрашного командира группы «У» буквально выкрали со свадьбы, чтобы поручить новое задание. Лайма, а также ее верные помощники – бывший десантник Иван Медведь и сетевой гуру Евгений Корнеев – отправляются в город Чисторецк, где проходит фестиваль народной музыки. Под видом гостей сюда должны прибыть террористы, которых интересуют трое ученых, работающих над секретным проектом в институте нанотехнологий. С целью глубокой конспирации бойцы группы «У» решают стать участниками международного музыкального конкурса и превращаются в фольклорный ансамбль «Заводные матрешки»...

ISBN 978-5-699-72325-6

© Куликова Г. М., 2014

© Эксмо, 2014

Галина Куликова

Рукопашная с Мендельсоном

© Куликова Г.М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Будильник над ухом давно и противно пищал. Лайма, титаническим усилием разлепив левый глаз, с ненавистью взглянула на циферблат – семь часов. Утра. Господи, зачем она поставила будильник на семь утра?! В окно, едва сдерживаемое легкими шторами, уже вовсю рвалось июньское солнце, напоминая ей, что в такое прекрасное утро грех долго валяться в постели. Спорить со светилом было трудно, и Лайма разлепила второй глаз. И тут все вспомнила. Сегодня же день ее свадьбы!

Для начала Лайма утвердила себя на кровати в положении сидя и покрутила встрепанной головой, пытаясь сбросить остатки сна. Затем с трудом, как перегруженный китайским ширпотребом транспортный самолет, Лайма оторвалась от уютной кровати и медленно проследовала в ванную. Ей жизненно необходим был душ, причем холодный.

Свадьба. Какая женщина не любит быстрой езды к Дворцу бракосочетаний?! Нет, может, какая-то и не любит. Но ей стоит лишь посочувствовать. Что касается Лаймы, то ее отношение к предстоящему замужеству было в целом положительным. Андрея, своего жениха, а теперь уже без пяти минут мужа, она любила. Не до самозабвения, в меру. Любовь до самозабвения, как свидетельствовал весь ее предыдущий опыт общения с мужчинами, ничем хорошим не заканчивалась. Так что на этот раз она с хладнокровием стороннего наблюдателя фиксировала как сильные стороны будущего супруга, так и его маленькие мужские слабости, которые с годами могли перерасти в крупные недостатки. А к этому, как известно, лучше быть готовой заранее, потом метаться будет уже поздно.

Но так как положительного в их отношениях было все-таки больше, Лайма, как и десятки тысяч женщин до нее, в какой-то момент решила – почему бы и нет? Симпатичный, веселый, состоятельный, в Лайму безоглядно влюблен. Роскошная квартира в центре, без родителей, хомячков и аквариумных рыбок. Два загородных дома и кое-какая недвижимость за границей плюс успешный бизнес. Что еще нужно для счастливой семейной жизни? Тем более Андрей был очень настойчив.

С Андреем Травиным судьба свела ее примерно год назад, когда Лайма активно разыскивала спонсора для очередной концептуальной программы Независимого центра культуры, где она по-прежнему состояла на службе.

Лайма обожала свою работу, хотя с ней и были связаны самые разнообразные и не всегда стопроцентно позитивные эмоции. Ведь именно отсюда она впервые была призвана для выполнения спецзадания в составе группы «У». Призвана, надо заметить, довольно бесцеремонно. Тут Лайма неожиданно вспомнила свою первую беседу с тем неприятным типом по фамилии Дубняк...

* * *

Это была хитроумная комбинация, задуманная подполковником службы безопасности Борисом Дубняком для осуществления его личных корыстных планов. Группа, составленная Дубняком из людей случайных, абсолютных дилетантов в области безопасности, должна была с треском провалить задание по охране прилетевшего в Москву проповедника от «неоатеистов» Нанака Бондопаддхая и стать прикрытием коварного замысла по устранению индийского гостя.

Группе присвоили наименование «У» – официально в смысле ударная или убойная, а на самом деле она мыслилась отцом-основателем убогой, этакий одноразовый расходный материал.

Но вышло все с точностью до наоборот. Лайма Скалбе, красotka со знанием иностранных языков, – командир группы, бывший десантник Медведь – силовое обеспечение и компьютерный гений Корнеев – всевозможная техническая поддержка – выполнили свою задачу, вопреки всем прогнозам, блестяще.

Дубняк понятия не имел, как ему теперь избавиться от созданного им детища. Думал-думал, и придумал. Взял и направил группу охранять американскую актрису Сандру Барр, которая как раз прилетела в Москву. А потом прервал с группой все контакты, понадеявшись на то, что они разбегутся, займутся своими обычными делами и навсегда забудут о нем и его секретных поручениях.

Как бы не так! Дисциплинированная группа «У» с блеском отработала и это задание, оказавшееся не блефом, а самой настоящей криминальной драмой. Для голливудской дивы все могло закончиться весьма плачевно, если бы не доблестная команда Лаймы Скалбе. Они нашли и освободили кинозвезду, похищенную коварным и влиятельным злоумышленником. В процессе выполнения этого задания у группы появился новый, теперь уже абсолютно легальный куратор – один из руководителей службы безопасности Игорь Тагиров.

Лайма, Корнеев и Медведь искренне считали, что являются секретным подразделением службы безопасности для особых, нестандартных и самых невероятных заданий. Таких, от которых само силовое ведомство предпочитает официально дистанцироваться. Специальной подготовки они не проходили, в списках не значились, но и уклониться от возложенной на них миссии не могли.

Да уж, Лайме было что вспомнить! В деле о мошенничестве с «порошком забвения» она и сама пострадала. Зато познакомилась с неординарной личностью – частным детективом Арсением Кудесниковым. У Кудесникова был удивительный помощник – кот Мерседес, огромная скотина невиданной красоты с королевскими повадками и почти человеческими глазами.

Лайма покачала головой. На старости лет можно будет писать мемуары – народ обзавидуется. Пусть они дилетанты, но могут дать фору настоящим мастерам. Разве не они раскрыли серию загадочных убийств, в том числе крупного американского специалиста из НАСА? Никто даже и предположить не мог, что речь идет не о контрабанде наркотиков, а о незаконной торговле метеоритами! Уж кого они в тот раз только не подозревали... Даже нечистую силу.

В секретном досье группы «У» каждая проведенная операция имела особое название. Какое – знал только их куратор и еще несколько высших руководителей службы безопасности. Тагиров как-то пошутил на этот счет, сказав, что, мол, какие операции, такие и названия. Но от настойчивых расспросов Лаймы уклонился.

Периодические «выпадения» из сферы культуры для выполнения заданий государственной важности удивительным образом не создали Лайме трудностей на работе. Этим она была обязана тому же Тагирову, который мягко и без лишнего шума раз и навсегда решил эту проблему. Вот только полностью сохранить в тайне свои похождения Лайме не удалось. В нормальном коллективе, как известно, секретов не бывает, поэтому невероятные слухи про ее «шпионскую» деятельность быстро разлетелись по коридорам и кабинетам. Лайма пыталась ударным трудом доказать, что главное в ее жизни – это заботы любимого навеки Культурного центра, что она, Лайма Скалбе, ничуть не изменилась, что она такая же, как все, но от навязываемого ей героико-романтического образа, как ни старалась, не смогла до конца избавиться.

* * *

Мысли Лаймы снова перескочили с боевых заданий на Андрея Травина, ее будущего мужа. Она невольно вспомнила их первую встречу...

Коммерческий директор большой фирмы по продаже строительных материалов, с которым поначалу беседовала Лайма, откровенно кисло реагировал на ее горячие призывы поучаствовать в возрождении российских культурных традиций. Дело шло к вежливому, но твердому отказу, когда к ним в комнату для переговоров заглянул довольно симпатичный парень. Решительная, слегка высокомерная блондинка с ярко-серыми глазами, пухлыми губками и потрясающей красоты ногами, которые не скрыл от заинтересованного взгляда огромный ореховый стол, мгновенно сразила одного из совладельцев компании.

Андрей тут же плюхнулся в ближайшее к Лайме кресло и в пять минут устранил все препятствия на пути финансирования культурного проекта. Затем легким кивком головы отпустил погрустневшего от внезапной и бессмысленной потери денег коммерческого директора. И начал первую атаку, которая, впрочем, закончилась для Травина почти ничем – за свое благодеяние он удостоился лишь номера служебного телефона.

Но Андрей взялся за дело серьезно, и уже через пару месяцев Лайма не представляла, как это раньше она жила без его заботы и внимания. В общем, дело уверенно шло к свадьбе, и сегодня, десятого июня, свадьбой должно было и завершиться.

Андрей, конечно, понятия не имел ни про какие группы «У». Лайма решила, что вполне может забыть о своем прошлом – от Тагирова уже почти два года не было никаких вестей. А вдруг про их существование вообще забыли? Или правильнее сказать – отправили в отставку? Вот это был бы праздник!

Тут Лайма тряхнула головой и попыталась сосредоточиться на главном. И так, с восьми до одиннадцати она должна побывать попеременно в руках парикмахера, стилиста, визажиста и еще каких-то специалистов, которых нагнал ей Травин. А затем, надев умопомрачительный свадебный наряд, купленный – ни больше ни меньше! – в Лондоне, она сядет в лимузин и – вперед, навстречу супружеской жизни и новым небывалым ощущениям.

До вожделенного душа Лайма не дошла – зазвонил телефон. Три звонка подряд – рекорд для семи утра. Первой была тетя Люда, едва ли не единственная и самая близкая ее родственница. Она и бабушка Роза составляли на сегодняшний день все семейство Лаймы.

– Дорогая, ты как себя чувствуешь? Волнуешься? Нервничаешь?

– Нет, – пробурчала Лайма, – я не нервничаю. Я еще сплю! То есть сплю на пути к ванне. Нервничать начну перед алтарем.

– Перед каким алтарем? Вы разве еще и венчаетесь? Где? И почему я не знаю? – заволновалась тетя Люда, которая не любила, когда что-то проходило без ее участия.

– Это просто так говорится. Мы только расписываемся. Целую, конец связи, а то я ничего не успею, даже почистить зубы. Жених будет приятно удивлен.

– Тебе надо помочь?

– Почистить зубы? Нет, думаю справиться сама.

– Не дерзи тетке! Я серьезно.

– Да что ты, спасибо. Тут сейчас столько помощников понаедет – только успевай дверь открывать. Вера скоро явится, ей по должности положено мне помогать, она же рвалась стать подружкой невесты, так что пусть теперь мучается вместе со мной. Все, до встречи на мраморной лестнице.

– На какой еще лестнице? – снова взволновалась тетя Люда.

– Ну, такой, огромной, по которой мы будем подниматься к счастливой жизни. Мне кажется, во всех Дворцах бракосочетаний есть такие лестницы. Или должны быть.

– А бабушка сможет подняться по этой лестнице? В ее годы это тяжкий труд, – опять всполошилась тетка.

– Ничего, втащим на руках. Андрей, знаешь ли, здоровый, да и бабушке будет приятно – сколько десятилетий ее на руках не носили?

– Хватит болтать всякую ерунду – рассердилась тетя Люда. – Проснись наконец, ты же сегодня выходишь замуж.

– Это-то я помню, – вздохнула Лайма.

Тут же раздался следующий звонок – Андрей интересовался самочувствием и боеготовностью невесты.

– Ты мог еще целый час спать, – заметила невеста. – Волнуешься, что опоздаю?

– Твое опоздание на минуту – минус десять лет моей жизни, – скорбно вздохнул Травин. – Останешься вдовой раньше времени.

– Не забудь – богатой вдовой, – фыркнула Лайма. – Слушай, я не могу в душ попасть: сначала тетка, теперь ты.

– Ну, прости-прости. Я должен был услышать твой голос. Чтобы удостовериться, что все идет по плану. В конце концов, мы не можем сорвать столь грандиозное мероприятие...

При этих его словах у Лаймы неприятно засосало под ложечкой. Действительно – столько гостей, такая тщательная подготовка... И почему он вдруг подумал о том, что свадьба может сорваться?

Еще один абонент, который домогался Лайму – ее институтская подруга Инна, – был безжалостно отправлен подальше, с пожеланием не опоздать на бракосочетание и позвонить в более подходящее время. Наконец Лайма достигла желанной ванны и, включив душ на максимум, нырнула под прохладные струи. Но даже холодная вода не сразу вернула ее к полноценной жизни. И дело совсем не в том, что Лайма была классической «совой», чья жизненная активность приходится на вторую половину суток. Утренний подъем давался ей легко. Дело было в Беседкине – этом кретине недоделанном, зануде и слезливом хлюпике, ее давнем воздыхателе.

Афиноген Беседкин по специальности был архитектором. Причем потомственным, в четвертом поколении. Еще его прадед возводил какие-то купеческие особняки в Сибири, дед приложил руку к стройкам социализма, а вот папенька с маменькой, вместе закончившие архитектурный институт, удачно вписались в современную действительность: без усталости валяли для российских нуворишей виллы, коттеджи и охотничьи домики. Преимущественно вдоль побережья теплых морей, в живописных заграничных предгорьях и на островах.

Экстравагантное имя мальчику выбрала своенравная мамаша, посчитав, что так ребенок будет выгодно отличаться от заурядных Андрюш и Сереж. Сын, которого и в школе, и во дворе иначе как Офигеном не звали, так и не смог по достоинству оценить своеобразную материнскую заботу.

Как ни старались родители, Афиноген не стал достойным представителем династии – природа по полной программе отдохнула на младшем из рода Беседкиных. С трудом закончив все тот же архитектурный вуз, Афиноген некоторое время старался применять свои скудные знания в родительском бизнесе. Но пользы не принес, а навредить успел порядком. Тогда дед-академик с помощью своих связей пристроил внука в одну солидную организацию, которая занималась, помимо всего прочего, архитектурной экспертизой для нужд города. Теперь Афиноген в составе различных комиссий исследовал жилой и нежилой фонд, давая рекомендации и составляя экспертные заключения. И кажется, был этим вполне доволен.

Независимый культурный центр, где трудилась Лайма, располагался в небольшом старинном особнячке почти в центре города. Последние годы его сотрудники жили практически на осадном положении, ежемесячно доказывая разным проверочным комиссиям, что на законных основаниях занимают столь завидное помещение. Однако проверки не прекращались – слишком лакомый кусочек находился в ведении какого-то там очага культуры. Лайме, которая по поручению своего руководства ходила ругаться и жаловаться, чиновники прозрачно намекали, что они со своими культурными программами вполне могли бы отвалить куда-нибудь за МКАД. Культура, мол, от этого не пострадает. Тем не менее коллективу центра удавалось сдерживать натиск алчных бизнесменов, желающих захватить их любимое здание.

Афиноген Беседкин впервые предстал пред Лаймиными очами года два назад в составе очередной проверочной комиссии. Комиссия осуществляла контроль за сохранением исторического облика здания и бесценных интерьеров. Лайма, как всегда во всеоружии, сопровождала гостей. К неудовольствию проверяющих, все оказалось в норме, и они благополучно убрались из центра и из жизни Лаймы. Но не все. На самого юного члена комиссии Афиногена Беседкина сильнейшее впечатление произвел не исторический облик здания, а весьма эротический облик Лаймы Скалбе.

С тех самых пор и начались ее мучения. Не сильно занятый на службе, подкрепленный финансами небедных родителей, Беседкин последовательно добивался от Лаймы сначала внимания, потом любви, потом – сострадания. При этом наличие у Лаймы других мужчин и даже жениха его не останавливало. Лайма решительно отвергала домогательства Беседкина, но тот был неутомим.

Его ухаживания и приставания, по счастью, не носили криминального или экстремального характера. Это была долгая и нудная осада с эпизодическими вкраплениями внезапных истерик и неискренними попытками совершить самоубийство на глазах у любимой. Последняя подобная сцена случилась три дня назад.

– Беседкин, возьми себя в руки! – зывала Лайма, оттаскивая красного и вострапанного, как воробей, Афиногена от проезжей части.

– Ты меня не любишь! – кричал он в ответ. – Ты специально меня обзывает Беседкиным. Меня так в школе дразнили! И в детском саду. Я не хочу жить без тебя!

Он бился в руках Лаймы, как пойманный за лапу петух, и постоянно норовил рвануть обратно на дорогу.

– Я не обзываю, – стонала уставшая после работы Лайма. – Я не виновата, что это твоя фамилия. Ты куда опять собрался?

– Под автобус! – гордо заявил Беседкин, шмыгнув носом.

– Под какой еще автобус? – топнула ногой Лайма.

– Двадцать восьмой. Вон, видишь, подходит. – Афиноген близоруко прищурился. Затем неуверенно спросил: – Слушай, а это точно двадцать восьмой? Я без очков плохо вижу...

– А тебе какая разница? – ехидно осведомилась Лайма. – Анна Каренина, насколько я помню, не интересовалась номером поезда перед тем, как лечь на рельсы.

– Ты не любишь меня! – снова ожил Беседкин. – Ты издеваешься, ты унижаешь меня как личность!

– Это чем же? Что не даю тебе бегать по проезжей части с риском оказаться в милиции за антиобщественное поведение? А в любви я тебе никогда в жизни и не объяснялась, это все твои выдумки.

– Ты считаешь, что я не способен умереть из-за тебя?

– Ну почему же? Только ты предварительно вгонишь в гроб меня. А потом красиво умрешь от горя. Дождавшись следующего автобуса.

Хотя к Беседкину с его причудами Лайма уже давно привыкла, прогнозировать реакцию Афиногена на официальное замужество она не бралась – кто знает, что он может отчебучить? Решила сообщить неугомонному Беседкину о свадьбе чуть погодя – может, свершившийся факт охладит его пыл? В любом случае его тяжкие муки надо было прекращать – узнай Травин о вселенской любви Афиногена, и тому точно не поздоровится. А Лайма всегда была противницей грубых силовых решений.

И вот вчера вечером, когда Беседкин позвонил с традиционными пожеланиями спокойной ночи, она сдуру, вопреки собственному первоначальному решению, взяла и ляпнула про свадьбу. Жалко ей, видишь ли, его стало! Лучше бы себя пожалела.

То есть сначала Беседкин мужественно пережил страшную весть. Дрогнувшим голосом поздравил Лайму, пожелал счастья, спросил, где будут расписываться, а потом... сорвался. И

до половины четвертого утра жалостливая Лайма выслушивала его крики, стоны, плач, вопли, мольбы, а также стихи, ей посвященные. Многое она уже слышала раньше, но в этот раз прозвучало и кое-что новенькое. В общем, уже светало, когда Лайме наконец удалось прервать этот безумный словесный водопад.

– Все, Беседкин, пока. Мне завтра, то есть сегодня, рано вставать. И не звони мне больше, можешь на мужа нарваться.

– Я не боюсь твоего мужа! Да он тебе вообще пока не муж. Еще неизвестно, как дело повернется, – услышала напоследок Лайма.

И что же теперь? Благодаря собственной глупости она будет сонной и квелой невестой? Нет уж, фигушки. Энергичная гимнастика в течение пятнадцати минут, чашечка крепкого кофе – и она в порядке. Бодрая, веселая, жизнерадостная, красиво причесанная, в дивном белом платье! Идеальная невеста по имени Лайма Скалбе на сто процентов готова к новому испытанию – супружеству.

«Ничего, – подумала она легкомысленно. – Теперь вся эта жизнь с ее хлопотной работой, истеричными поклонниками и секретными заданиями останется в прошлом. Как и моя экзотическая фамилия».

* * *

– Обалдеть можно! Такой невесты Москва еще не видела! – завизжала Вера, когда Лайма в своем сногшибательном белом платье возникла на пороге кухни, где подружка невесты угощала кофе и развлекала светской беседой уже закончивших свою работу парикмахершу и стилиста.

Дружба между Лаймой и Верой завязалась несколько лет назад в магазине одежды. Вера прилетела выбирать деловой костюм, в котором собиралась ходить по офисам в поисках работы. Поскольку она была невысокой и полненькой, ни один костюм ей не подходил – то юбка была узка, то пиджак велик в плечах, то рост оказывался не тот. Продавщицы хоть и помогали Вере, но весьма неохотно, без огонька. Лайма, ненавидевшая несправедливость и ценившая женскую солидарность, пришла отчаявшейся женщине на помощь. Вдвоем они сформировали отличный строгий комплект, и благодарная Вера пригласила Лайму в кафе, выпить чашечку чая и поболтать. Так с тех пор и повелось. Они встречались и болтали, ходили вместе по магазинам, обсуждали все на свете и сами не заметили, как стали лучшими подругами.

– Лайма, тебя нужно сфотографировать, а фотографии отправить в какой-нибудь глянцевого журнала. Они все там сдохнут от зависти!

Искреннее Веркино восхищение воодушевило Лайму, хотя она и сама видела – действительно смотрится потрясающе. Присутствующие здесь же на кухне труженики гламурного фронта дружно присоединились к восторгам, хотя сами же принимали живое непосредственное участие в создании этого шедевра.

– Только ни к чему теперь не прикасайся! – тараторила Верка. – Иди в комнату, аккуратно сядь куда-нибудь, замри и не дыши. Вот-вот лимузин с женихом прибывает, потерпи немного.

Лайма машинально бросила взгляд на настенные часы – они показывали половину одиннадцатого. Уже совсем скоро Андрей должен заехать за ней и за Верой. Добираться до Дворца бракосочетаний минут тридцать-сорок, но ведь пробки, мало ли что, да и лимузин огромный, его по городу не погонишь, свадьба все-таки... И вообще лучше прибыть на место пораньше.

В этот момент в прихожей раскатисто и немного фальшиво зазвучала мелодия песенки крокодила Гены из мультфильма про Чебурашку: «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам». Этот дверной звонок Лайма купила несколько лет назад на какой-то строительной барахолке. Старый – резкий и дребезжащий – сломался, и пришлось срочно искать ему замену. А так как Лайма все делала наспех, после работы, то она схватила первое, что попало под руку. Прода-

вещ уверял, что у звонка двенадцать интересных мелодий и хозяйка будет довольна до чрезвычайности. Он очень, очень сильно ошибся. Удивительным образом в маленьком пластиковом ящичке оказались собраны все мелодии, которые Лайма просто ненавидела. К сожалению, это выяснилось лишь после того, как местный электрик, тихо матерясь, прикрепил оригинальное творение рук человеческих над входной дверью и пустил его в эксплуатацию.

Помимо нелюбимой еще с раннего детства арии крокодила здесь присутствовали народные хиты «Вот кто-то с горочки спустился» и «Будьте здоровы, живите богато», а также эстрадные шлягеры «Увезу тебя я в тундру» и «Птица счастья завтрашнего дня», которая, как известно, прилетела, крыльями звеня.

Как там было у создателей музыкального монстра с авторскими правами, неизвестно, но на Лайму вся эта история произвела удручающее впечатление. Она даже хотела избавиться от мерзкого звонка, только все времени не было купить новый. Потом она к звонку привыкла и даже смогла полюбить некоторые мелодии, которые раньше не оценила по достоинству. Правда, песенка крокодила в список реабилитированных шедевров не вошла.

Лайма инстинктивно дернулась на звук, но Вера замахала руками и грозно крикнула:

– Стоять, сама открою.

– Что-то рановато жених прибыл, – пробормотала Лайма, не зная, что делать – то ли идти в коридор встречать суженого, то ли последовать совету подружки и присесть пока в комнате, чтобы не нарушить дивной красоты.

Тут за ее спиной раздался Веркин голос:

– Слушай, Лайма, это не жених. Это какой-то незнакомый тип. Он тебя спрашивает.

– Не Беседкин? – с опаской спросила Лайма.

Узнав, что нет, не Беседкин, она довольно смело вышла в коридор. Вера молча ткнула пальцем по направлению распахнутой входной двери. В дверном проеме маячила мужская фигура. У фигуры были длинные ноги в кожаных штанах, подозрительно знакомые. Столь же подозрительно знакомые руки сжимали многочисленные ленточки. К ленточкам были привязаны воздушные шары всевозможных форм и расцветок. Шаров было так много, что они полностью скрывали всю верхнюю часть туловища незваного гостя, включая лицо.

– Нет, не может быть, – обреченно прошептала Лайма.

Боевого товарища, с которым они вместе съели пуд соли, она узнала бы и по одному мизинцу. За шарами, без сомнения, прятался Корнеев, один из членов группы «У». И Корнееву, и Медведю она под страхом смерти запретила являться на свою свадьбу. Чтобы Травин не ревновал – раз и чтобы не накликать неприятностей – два. Корнеев был красавчиком и повебой, а Медведь – мощным, но добродушным типом, и оба они, конечно, симпатизировали своему командиру, хотя никогда не подавали виду. Известие о свадьбе Лаймы мужчины приняли без энтузиазма, но покорно. И поклялись в этот знаменательный день сидеть дома.

Месяца три назад, когда они с Андреем уже определили дату свадьбы, благородная Лайма собрала группу «У» в ресторане и в самом конце дружеской вечеринки, как смогла, объяснила Корнееву и Медведю, почему она не может пригласить их на свое бракосочетание. Получилось у нее, кажется, не очень убедительно.

– Народу будет немного. Андрей не поймет, начнет спрашивать – кто да что... К тому же я буду думать о нашем общем прошлом и выдам себя с головой!

– Как скажешь, командир, – добродушно ответил Иван. – Мы понимаем, так что – никаких обид или претензий. Потом тебя поздравим. Конспиративно.

– Я пришлю тебе открыточку, – пообещал Корнеев. – Электронную. Смотри почту, ладно?

– Умоляю, никаких открыток! У тебя ужасное чувство юмора. Ты напишешь какую-нибудь фигню и опорочишь меня перед мужем. Считайте, что это приказ – на мою свадьбу не приходите. Поздравлений не присылать.

Мужчины в ответ закивали головами – о чем речь, все ясно, надо – значит надо.

И вот в день свадьбы на пороге ее квартиры возникает Корнеев с воздушными шариками в руках. Какого черта он явился, нарушив табу, Лайма даже думать не хотела.

– От кого такие шарики? – поинтересовалась за Лайминой спиной Вера.

– Это... Это от моих институтских друзей, – быстро сказала она. – Ты, Вер, иди в комнату, я через минутку буду.

Верка что-то слабо пискнула, но все же ушла из коридора, деликатно прикрыв за собой дверь. В тот же миг шары заколыхались, и из-за них появился весь Корнеев целиком. Да, это, несомненно, был он – голливудская физиономия, черные «негодяйские» усики, продолговатые глаза с длинными ресницами, трехдневная щетина... И ни намек на улыбку.

– У тебя такое выражение лица, от которого немедленно хочется бежать в Конго, – вместо приветствия сказала Лайма.

– Тебе действительно придется бежать, – быстро сказал Корнеев. – Боюсь, что через несколько минут здесь будут официальные лица. Вернее, неофициальные. Возникла чрезвычайная ситуация. Я просто должен был тебя предупредить. Мы звонили, но ты не брала трубку.

– Какую трубку? – возмутилась Лайма. – Мне прическу делали, глаза подводили, платье на меня надевали в четыре руки...

– Был бы рад поцеловать тебя в щечку, но если мы сейчас отсюда не смоемся, боюсь, свадьбе не бывать. Подбери юбки и поехали! Попытаемся улизнуть раньше, чем они нагрянут.

Корнеев решительно взял Лайму за руку и, словно редиску из грядки, выдернул из квартиры на лестничную площадку. Шары он бросил, и они резво стали подниматься вверх.

Сердце Лаймы уже сковал лед. Она понимала, что Корнеев не шутит, но мысль о побеге парализовала ее.

– Ты хоть знаешь, в чем дело?! – воскликнула она вполголоса.

– Дело в том, уважаемая госпожа Скалбе, – неожиданно раздался совершенно незнакомый ей суховатый голос откуда-то снизу, – что вам необходимо прибыть на секретный инструктаж перед выполнением особо важного государственного задания.

Человек говорил, поднимаясь по лестнице. Двое его подручных спускались сверху. У них были зоркие глаза и толстые шеи, а внутри черных рубашек бугрились мускулы.

– Да пошли вы со своим инструктажем! – крикнула Лайма и спряталась за Корнеева. – У меня свадьба, я через час расписываться должна!

Незнакомец оказался сухощавым и улыбчивым, в узких очках-хамелеонах, которые посверкивали как-то особенно подло.

– Взять его! – коротко приказал он своим подручным и подбородком указал на Корнеева.

В ту же секунду Евгений размахнулся и прямым ударом засветил сухощавому в челюсть. Лайма рванула было вперед, к лестнице, то есть к свободе, но в ту же секунду почувствовала резкий сладковатый запах и потеряла сознание.

* * *

Вера не понимала, что происходит. Взволнованная долгим отсутствием подруги, она решила-таки нарушить правила приличия и вышла в коридор – на разведку. К ее величайшему изумлению, разведывать было нечего: Лайма и человек с шарами куда-то исчезли. Тогда Вера открыла входную дверь и выглянула на лестничную площадку, но и там никого не оказалось. Вера побегала вверх и вниз по лестницам подъезда – никого. Совершенно растерявшись, она вернулась в квартиру и сделала попытку связаться с Лаймой по телефону, но, услышав из комнаты знакомую трель, сообразила, что мобильного с собой у Лаймы нет и быть не может. Ведь та была уже в свадебном наряде и брать с собой на бракосочетание трубку уж точно не собиралась.

Растерянная Вера отправилась на кухню за подмогой, хотя не представляла, чем ей сейчас могут помочь. Но едва она появилась на пороге, как длинноволосый стилист в изящной рубашечке, куривший у окна, радостно воскликнул:

– Послушайте, Вера, там уже лимузин приехал. Длинный и белый, как корабль! Ах, нравится мне все это! Ленты, цветы, поцелуи... Невесту уже вынесли, так что спускайтесь вниз. Да и мы поедem, – он кивнул на парикмахершу, – у нас через час еще один клиент.

– Как это – «вынесли»? – насторожилась Вера. – Кто вынес?

Она внезапно почувствовала, что земля странно качнулась, норовя уйти из-под ног.

Тот пожал плечиками:

– Ну, как это – кто? Жених, я полагаю. И свидетели. Один нес невесту на руках, другой тащил за ними кучу всяких шариков. Потом они вдвоем ее усаживали на заднее сиденье.

– Куча шариков? – шепотом переспросила Вера.

– С детства люблю воздушные шарикИ, – мечтательно заметил стилист. – Они их упустили, правда. Теперь эта связка будет носиться над городом. Дико романтично!

Вера немедленно рванула к окну, едва не выбив головой стекло. Внизу, вдоль тротуара было припарковано десятка два машин, однако никакого белого лимузина не было. Зато на уровне фонарного столба болталось несколько разноцветных шаров, зацепившихся за провода.

– Где он? – крикнула Вера, оборачиваясь к стилисту.

– Кто? – испугался молодой человек, глянув на ее перекошенное лицо.

– Лимузин!

Стилист растерялся:

– Вот только что там стоял, прямо у подъезда. Видимо, уже умчался.

– Вы его номер, случайно, не запомнили? – спросила Вера с надеждой и тут же махнула рукой. – Да о чем это я?

Она чувствовала себя так, словно собиралась садиться пировать, наготовила вкусных яств и вдруг обнаружила, что все кастрюльки и сковородки пусты.

– Пожалуйста, никуда не уходите, – попросила она крайне озадаченных мастеров прически и макияжа.

Куда именно ей надо было звонить, Вера и сама не понимала. В милицию? Или в службу спасения?

– А что случилось? – заволновалась парикмахерша, почуяв недоброе.

– Кажется, Лайму похитили, – с трудом выдавила Вера, сама еще до конца не осознавая весь ужас сказанного.

– Господи, с чего вы взяли? – удивился стилист, махнув своей пахучей сигареткой.

– Жених должен был зайти в квартиру, поздороваться, как положено, восхититься Лаймой. Да и меня с собой взять! Я все-таки подружка невесты! Не мог он вот просто так схватить ее и отчалить. Вместо него поднялся какой-то тип с целой кучей шаров...

– Да это наверняка проделки жениха и шафера! – подкинул спасительную мысль стилист. – Они просто украли невесту. Некоторые мужчины считают, что это незыблемая традиция.

– Нет, правда? – Вера немного перевела дух.

Идея с кражей невесты неожиданно показалась ей вполне разумной. Впрочем, нет, не вполне. Получается, что ей самой во Дворец бракосочетаний придется ехать на такси. Она, конечно, не невеста, но одета подобающим образом, так что общественный транспорт не пойдет. Может, позвонить Андрею? Решение правильное, только вот где номер его телефона раздобыть, у нее-то ведь нет. Вера на минуту задумалась, но вдруг хлопнула себя ладонью по лбу – мобильник Лаймы остался здесь, в квартире. Звонок Андрею конечно же все разъяснит и поставит на место.

Вера бросилась в комнату за телефоном подруги. Он лежал на диване и выглядел сиротливо, как брошенный щенок. Она протянула к нему руку... И в этот самый момент из кухни раздался истошный вопль девушки Тани, которая сооружала Лайме прическу:

– Сюда, скорее!!!

Стремительно развернувшись на каблуках, Вера бросилась назад.

– Что случилось? – крикнула она, врываясь на кухню.

– Он вернулся! Лимузин ваш. Вон опять стоит у подъезда, – сообщила Таня, сияя.

Вера подскочила к окну и рухнула грудью на подоконник. Подоконник был узким, и подружка невесты едва не кувырнулась вниз головой во двор. К счастью, хрупкий на вид стилист неожиданно обнаружил изрядную силу и сноровку и в критический момент удержал ее за ноги.

– Не надо так нервничать! – уговаривал он, растирая запястья. – В конце концов, это не вы сегодня замуж выходите. Так что не впадайте в истерику.

Вера пообещала не впадать и, вытянув шею, глянула вниз. Там во всей красе, растянув вдоль дома свои семь, девять или сколько там в нем было метров, стоял белый свадебный лимузин, украшенный, как положено, кольцами, лентами и цветами. В этот миг из коридора донеслась мелодия популярной среди космонавтов песни «Надежда», быстро сменившаяся ностальгическими «Яблоками на снегу», – кто-то настойчиво звонил в дверь.

– Сейчас все выяснится, – обнадежила Таня, застегивая сумочку. – Желаем вам всех благ, а нам пора ехать к другому клиенту.

– Конечно, – сказала Вера, почувствовав себя одиноким воином, оказавшимся перед лицом неведомого врага. – Я вас провожу... И дверь заодно открою. Они входят – вы уходите.

Кто такие «они», Вера интуитивно чувствовала. К несчастью, она оказалась права.

* * *

Это были жених и свидетель, сияющие, словно два коробейника, которым удалось приманить к себе целый выводок красных девиц. Андрей Травин выглядел так, словно его только что спустили с конвейера самых элегантных мужчин мира. Черный смокинг, галстук-бабочка, прическа «французский шик», в руках букет роз, опущенных декоративной зеленью. Обычно все женихи от счастья и напряжения выглядят глупыми как пробки. Травин был не таким. Да, он во весь рот улыбался, но глаза его смотрели на мир трезво. Если бы Вера была Лаймой, она бы, пожалуй, даже обиделась.

Его друг и свидетель Борис оказался гораздо прощедушнее. С таким искренним выражением лица ему впору было торговать лотерейными билетами. В руке он держал шары – точь-в-точь такую же огромную связку, какую до него приносил к этой самой двери таинственный незнакомец, вместе с которым испарилась Лайма.

– Здравсьте, – радостно сказал он. – Вам жених не нужен?

Поскольку Вера тупо молчала, сам жених добавил:

– А то смотрите, хороших быстро разберут!

Рыба, выброшенная на берег, была бы сейчас по сравнению с Верой символом жизнелюбия и светлого оптимизма. Андрей выжидательно смотрел на нее. Улыбка его медленно тускнела.

– А Лайма разве не с вами? – спросила наконец Вера, заранее схватившись рукой за сердце.

При этих ее словах свидетель тоже потух и сильно помотал головой из стороны в сторону:

– Не-е-ет!

Некоторое время тянулась пауза. Вера все пыталась вдохнуть, а Андрей, наоборот – выдохнуть.

– А где она? – неожиданно синхронно спросили они друг друга.

Следующая пауза была более долгой – каждый ждал от собеседника ответ на заданный вопрос. Первой нашлась Вера, решившая до конца прояснить ситуацию:

– Я думала, вы ее уже украли! Согласно традиции...

Травин стиснул зубы и поиграл желваками. Если бы Вера пришла наниматься к нему на работу, в этот момент она наверняка струсилась бы и забрала заявление.

– Знаете, я очень хочу ее украсть, – бросил жених и улыбнулся снова: теперь уже криво и неестественно. – Украсть и посадить в машину. Но для этого я должен сначала забрать ее из квартиры. Вы позволите мне войти и совершить обряд похищения?

– Еще раз? – упрямо поинтересовалась Вера, не желая расставаться с иллюзией.

Андрей и Борис обменялись тревожными взглядами.

– Верочка, я понимаю – волнение и все такое, – забубнил свидетель, подходя поближе и беря Веру за пухлую, но безжизненную руку. – Вы вообще-то спали сегодня? Это скорее всего переутомление.

Вера, вынужденная принять страшную правду, неожиданно топнула ногой.

– Какое переутомление? – закричала она. – В эту дверь уже недавно звонили. И приходили... С шарами! Лайма вышла в коридор и пропала. Стилист из окна видел, что невесту вынесли из подъезда на руках и увезли в белом лимузине! Я думала, это были вы! – обвиняющим тоном закончила она.

– Что?! – воскликнул Травин и отшвырнул букет с такой силой, что он перелетел через перила и исчез из виду.

Потом, оттеснив Веру плечом, он ворвался в квартиру, пробежал по комнатам и зачем-то выглянул в окно. Дальше последовало сто тридцать три вопроса и сто тридцать три путанных ответа Веры, которая сначала бегала за ним, громко топоча, а потом упала на стул и начала мелко дрожать подбородком. Свидетель молча протянул ей платок размером с детское одеяло. Подумав мимоходом, что женщины, которые ни в чем не виноваты, плачут гораздо охотнее, чем реально провинившиеся. Впрочем, Веру долго утешать не пришлось. Вернув Борису скромный платок, она в последний раз шмыгнула носом и воинственно выпятила подбородок.

Уяснив наконец, что Лайму увезли на белом лимузине, Андрей воскликнул:

– Быстро, в погоню! Они не могли в этой кишке на колесах далеко уехать!

– Я с вами! – решительно сказала Вера и подобрала юбку, потому что мужчины уже бежали вниз по лестнице и ей пришлось догонять их, рискуя сломать каблуки.

* * *

– Я не могу быстрее! – огрызнулся нарядно одетый шофер. – Это лимузин, машина для торжественных мероприятий, а не спортивный болид «Формулы-1».

– Да я все понимаю, но у нас проблема. Нам нужно догнать невесту! – Возбужденный Андрей сорвал с себя «бабочку» и рванул ворот белой рубахи. Лицо его окаменело, лихорадочно блестящие глаза пристально смотрели вдаль. Сейчас он был похож на киногероя, спасающего мир от ужасной катастрофы. Вера, невзирая на трагизм ситуации, даже залюбовалась им. Вот бы за ней кто-нибудь так гнался!

– Давай, давай, родной, жми, – подбадривал Травин тихо зверевшего водителя. – Если к двенадцати успеем во Дворец, я тебя озолочу.

Вера снова восхитилась Андреем – вот это воля к победе, вот это твердость духа! Не только уверен, что разыщет пропавшую невесту, он еще надеется и церемонию не сорвать. Классный мужик!

Сама Вера, а вместе с ней и Борис осуществляли круговое визуальное наблюдение, а именно – тарачились в окна, надеясь увидеть белый лимузин, в точности похожий на тот, в

котором они сейчас ехали. Андрей, сидевший рядом с водителем, неожиданно обернулся и прокричал в бездонную глубину длиннющей машины:

– Вера, вы уверены, что лимузин был точно таким же, как этот?

– Мне стилист сказал! – закричала она в ответ. – Он в окно видел.

– Андрюха, может, ребятам позвонить? Они приедут на нормальных тачках, – подал голос Борис. – Организуем поиск по всем направлениям.

– Не надо. Когда они еще сюда доберутся – пробки же везде. Время только потеряем. Далеко они уехать на этой селедке не могли. По переулкам точно не поедут – застрянут. А других вариантов здесь немного, думаю, перехватим где-нибудь. Короче, в погоню! – Андрей так хлопнул по плечу водителя, что бедолага непроизвольно дернулся вместе с рулем. Лимузин повело куда-то вбок, и он едва не вылетел на тротуар.

Погоней происходящее можно было назвать с большой натяжкой. Лимузин, не созданный для экстремальной езды по улицам города, умеренно быстро и плавно катил вперед, изредка замирая перед светофорами и медленно вписываясь в повороты. Особенно раздражало то, что попутные и встречные машины весело гудели, полагая, что приветствуют мчащихся к своему счастью молодоженов.

– Куда дальше? – спрашивал водитель Андрея перед очередной дорожной развязкой.

Травин, следуя какой-то своей логике, а может быть, интуиции, уверенно бросал:

– Налево, прямо, налево, направо.

– Андрей, может, милицию вызвать? – решила высказать затаенную мысль Вера.

Она припомнила, что Лайма, увидев типа с шарами, нахмурилась и расстроилась, но рассказывать своим спутникам об этом не стала.

– Пока рано, – не отрывая взгляд от дороги, бросил Травин. – Мы не знаем точно, что произошло. Может быть, это вообще чья-то шутка. И в итоге Лайма все же появится во Дворце бракосочетаний.

– Дурацкая шутка, – встрял немногословный Борис. – За такие шутки морду надо бы...

– За тем и едем, – отозвался Андрей. – Если только Лайма сама это все не придумала.

Она у меня такая фантазерка!

Кроме нежности, в его голосе прозвучало что-то еще. Вера решила, что это восхищение, и снова тихонько вздохнула.

– А может, ее бывший поклонник увез? Бывают такие безутешные идиоты – на преступление идут, только бы своего добиться, – развил тему Борис.

Тут Вера на секунду представила, что некий мерзавец украл Лайму, чтобы насильно расписаться с ней в каком-нибудь районном загсе, и тихонько хмыкнула. Чтобы Лайму заставить что-то делать против воли? Нереально.

– Если надо, разберемся и с поклонниками, – не отрывая взгляда от дороги, решительно подвел черту Травин и тут же взревел: – Вот она! Вот, впереди! Видишь?

Андрей вытянул вперед руку, как полководец, бросающий в бой последний резерв. Вера и Борис одновременно посмотрели туда, куда он показывал. Действительно, впереди маячил белый увесистый зад точно такого же, как и у них, лимузина, украшенного традиционными лентами.

– Прибавь! – зарычал Травин.

Шофер надавил на газ, и дистанция стала медленно сокращаться. Движение на этом участке было достаточно плотное, но быстрое. Вскоре от преследуемой машины их отделяло всего метров двадцать. Покинутый жених уже было возликовал, когда поток вдруг стал ошутимо сбавлять скорость – видимо, впереди их ожидала очередная пробка. Подобраться к лимузину похитителей вплотную никак не удавалось.

– Обгоняй! – приказал Андрей шоферу, который заранее вжал голову в плечи, предчувствуя недоброе.

– Как я их обгоню? – заныл тот. – Бампер в бампер идем, не могу же я по встрече!

– Можешь, – твердо отмел его сомнения Травин. – Ты теперь все можешь. Или выпрыгивай из машины.

Выпрыгивать водитель не захотел, и свадебный экипаж, вальяжно перебравшись на полосу встречного движения, неторопливо двинулся вперед.

Наглый маневр был встречен яростным гудением ехавших навстречу машин, которое теперь больше напоминало ругательства, нежели радостное приветствие молодоженов. Наконец несчастному водителю, который уже мысленно попрощался с правами, удалось втиснуться в крайний левый ряд, и две одинаково белые и длинные машины встали почти что параллельно.

Стекла у них тоже были одинаково черные, тонированные, поэтому рассмотреть, кто находится в салоне, не представлялось возможным.

– Молодец! – похвалил Андрей бледного, как его машина, шофера. – Теперь будешь их подрезать. Так, по диагонали, наискось. Подрежешь – и останавливайся. Дальше мои дела.

– Да как же я их подрежу? – отчаянно взвыл шофер. – Если я встану наискось, то перегородю три полосы!

– Ничего, мы выйдем, и ты уже нормально паркуйся у обочины. Это же минутное дело.

Но дело оказалось совершенно не минутным. Первые попытки остановить машину похитителей Лаймы не увенчались успехом. Ее водитель уклонялся от маневров коллеги, пытаясь то обогнать их, то пропустить далеко вперед, а то и вовсе перестроиться в неудобный для преследователей ряд. К тому же под ногами постоянно путался какой-то шустрый седан с тонированными стеклами, на котором тоже развевались свадебные ленточки.

– Это, видимо, охрана или прикрытие, – хладнокровно заметил Травин.

– А ничего, что мы одни? – забеспокоился Борис. – Давай я все-таки ребятам позвоню.

– Справимся! – уверенно бросил Андрей. – Главное в этом деле – быстрота и натиск.

Еще некоторое время два одинаковых свадебных лимузина на глазах изумленных водителей и пешеходов состязались в маневренности. Наконец, взвизгнув тормозами, они остановились, образовав на проезжей части гигантскую многометровую букву «Т», у которой была немного скособочена верхняя перекладина.

– Боря, страхуй меня! – закричал Травин, распахивая дверцу. – И следи за второй машиной!

Он одним прыжком подскочил к вражескому лимузину, вцепился в ручку задней дверцы и рванул ее на себя. Ворвавшись в салон, разъяренный Андрей тут же споткнулся о чьи-то ноги и, потеряв равновесие, растянулся на полу. В ту же секунду ему на голову полилось ароматное шампанское, которое сидевшие в машине люди буквально за минуту до его вторжения разлили по бокалам. На мгновение наступила испуганная тишина, которая, однако, длилась недолго и была прервана дружными женскими и мужскими воплями. Самые проворные пассажиры лимузина начали открывать двери и выпрыгивать на волю, менее расторопные продолжали барахтаться на сиденье и верещать на все лады.

Быстро оправившись от конфуза, Андрей тем временем поднялся на четвереньки и отряхнулся, как вылезшая из реки собака. Затем он встал на колени, выпрямился и свирепо заревел:

– Где ваша невеста? Я хочу на нее посмотреть!

– Андрей, помоги мне! – раздался откуда-то сзади испуганный женский голосок.

Травин быстро повернулся и тут же увидел в дальнем углу салона женскую фигуру в белом платье и с белой фатой, скрывавшей ее лицо. Это Лайма звала его на помощь!

– Держись, любимая! – завопил обрадованный Андрей. – Сейчас поедем расписываться. Я вот только этот вертеп на колесах разорю, и сразу же поедем.

– Да кто ты такой, мать твою?! – закричал на Травина усатый брюнет, пытавшийся грудью загородить ему дорогу.

– Я кто такой? – иронически осведомился Травин, пробуя кое-как встать на ноги и сохранить равновесие. – Муж я ее! Почти что... Как вам это понравится?

Тут усатый повел себя довольно странно. Он не стал вступать в схватку, а просто полез из машины с криком:

– Андрей, Андрей! А я ведь говорил тебе, что у нее кто-то был! Вот тебе и номер!

Невеста истошно завопила ему вслед:

– Да не он это вовсе! Вечно ты не на тех думаешь, идиот!

И тут Травин насторожился – из-под фаты доносился совершенно незнакомый голос. Это была не Лайма! И на помощь она звала вовсе не его, Андрея Травина, а какого-то другого Андрея. Наверное, своего собственного жениха, который сейчас сражался с кем-то на улице. Осознав, что они атаковали не тот автомобиль, Травин на мгновение растерялся, и именно в этот момент получил кулаком под дых.

Тем временем Борис и Вера тоже выскочили из своего лимузина, но остановились в нерешительности. Хотя вокруг ревели клаксоны, и явно назревал скандал, они этого просто не замечали. Они напряженно ждали, что вот сейчас из машины появятся Андрей и Лайма. И все сразу встанет на свои места.

Первые мгновения пойманный лимузин не подавал признаков жизни. Затем в нем разом распахнулись все до одной дверцы, и из них с визгами и криками посыпались совершенно незнакомые Вере и Борису люди.

Шофер в белой рубашке с коротким рукавом и при галстукe, высунувшись из своего импозантного авто, визгливым голосом стал звать милицию. Похожая на циркуль девица в чем-то розовом размахивала букетом цветов и верещала «Бандиты!» и «Убивают!». Пышная барышня, вся с ног до головы в голубом, бессмысленно металась взад и вперед, по-щенячьи повизгивая. Парень в сером костюме, покрутив головой по сторонам, безошибочно выбрал Бориса и, схватив его за рукав, принялся настойчиво тащить к лимузину, приговаривая:

– Мужик, помоги, на нас напали! А у нас там невеста и жених!

– Я знаю, – лучезарно улыбнулся ему в ответ Борис. – У нас там тоже невеста и жених. – Потом, вырвав руку из цепких пальцев, он мощным ударом уложил незнакомца на асфальт. Тут из плененного лимузина выскочил еще один тип – в черном костюме и шелковом галстукe. Борис и его решил отправить в нокаут, но не тут-то было. Красавчик оказал сопротивление, и между ними завязалась нешуточная потасовка.

В этот момент к месту происшествия прокрался тот самый седан, который Травин и компания приняли за машину прикрытия. Однако из него полезли вовсе не бритые мужики с квадратными плечами, а всего лишь толстые тетушки и один седой дедуля с палочкой. Их вопли немедленно влились в общий гомон, и теперь вокруг стоял такой гвалт, что уши закладывало.

Борис, которому с трудом удалось отбиться от Шелкового галстука, неожиданно подвергся нападению со стороны только что подоспевшего к месту событий деда. С виду тщедушный старикашка на поверку оказался невероятно отважным. Он скакал вокруг Бориса и остервенело колотил его палочкой по ноге.

Вера в ужасе смотрела на происходящее и уже догадывалась, что случилась страшная ошибка. Вся эта компания очень мало походила на людей, которые могли бы похитить Лайму. Поэтому Вера стала бочком продвигаться к взятому на бордаж лимузину, чтобы поскорее добраться до Андрея и поделиться с ним своими сомнениями.

Инцидент разбирали не долго. Милиция, к счастью, приехать так и не успела. Машины удалось растащить и поставить у обочины. Травин, прижимая руку к сердцу, извинялся на все лады, предлагал деньги, дружбу, все что угодно, чтобы только замять конфликт. По ходу дела он успел рассказать трогательную историю о том, как у него только что украли невесту и увезли на точно такой же машине в неизвестном направлении. Хотя в историю эту никто и не поверил, однако Травина простили и отпустили с миром – все-таки праздник у людей

был. Хотя и подпорченный изрядно все тем же Травиным. Жених, которого подняли с капота, отряхнули и поставили на ноги, мужественно пожал протянутую тезкой в знак примирения руку. И только невеста грустно и задумчиво смотрела вслед уходящему дебоширу.

– Что теперь делать будем? – поинтересовался Борис, когда они вновь оказались в своей машине.

– Вот зараза, столько времени потеряли, – сквозь зубы процедил усевшийся напротив него Андрей. – Не знаю, как быть. Искать, наверное, теперь уже бессмысленно.

– Может, все же попробуем, а? – тихонько напомнила о себе Вера, но Травин ее, кажется, даже не услышал.

В этот момент в стекло водителя кто-то сильно постучал.

– Что там еще? – зло крикнул Андрей. – Неужто милиция наконец-то пожаловала?

– Тут тетка какая-то грязная. Побирושка, наверное, – отрапортовал шофер, счастливый оттого, что его не отправили в тюрьму в компании с этими сумасшедшими.

– Дай ей десятку, а то ведь не отстанет, – посоветовал Борис.

– Она думает, у нас праздник, – вдруг горько заметил Андрей, о чем-то напряженно размышлявший.

Вера и Борис лишь сочувственно переглянулись. Да, плохо было дело. Но едва водитель приоткрыл окно, чтобы просунуть в него купюру, как послышался знакомый насмешливый голос:

– И что у вас тут за свадьба без невесты?

Травин подпрыгнул так, что едва не пробил головой потолок лимузина.

– Лайма! – заорал он, выскакивая из машины.

Вслед за ним на волю выбрались Вера и Борис. Вера тут же заплакала.

* * *

Перед ними стояло странное существо. Оно, конечно, напоминало Лайму Скалбе, но лишь отдаленно. Прическа, на которую было потрачено столько времени и сил, растрепалась и скособочилась. На обрывках сетки над ушами висели цветочки. Лицо и руки измазаны, а платье, прелестное свадебное платье, было вдрызг разодрано и по цвету больше всего напоминало камуфляжную форму десантника, только что прибывшего из зоны боевых действий.

* * *

Когда Лайма пришла в себя, то первое, что она услышала, – громкие мужские голоса. Два человека о чем-то спорили, причем оба голоса были ей незнакомы. Не открывая глаз, чтобы не выдать себя, Лайма попыталась определить, где она находится. Это оказалось несложно – вне всякого сомнения, она находилась в салоне машины, которая куда-то двигалась. Сиденье было очень удобным и пахло кожей – значит, авто ее похитителей из дорогих и комфортабельных.

«Усыпили, – соображала она лихорадочно, – а теперь везут в неизвестном направлении. Куда, зачем? Неужели им опять понадобилась группа «У»? Мерзавцы, у меня вообще-то свадьба через час! И куда они дели Корнеева?»

Вспомнив о свадьбе и о том, что с минуты на минуту в ее квартиру явится Андрей, Лайма едва сдержалась, чтобы не вскочить. Справившись с нахлынувшими эмоциями, она тихонько приоткрыла глаза и пошевелила конечностями. И сразу поняла, что не связана и наручников на ней нет. Сквозь ресницы она видела, что напротив сидит очкастый. Один качок рядом с ним, другой – за рулем. Корнеев где-то в глубине салона, видимо, тоже без сознания. Голова откинута назад, подбородок смотрит в потолок. Лайма услышала встревоженный голос очкастого:

– Женщина в порядке? Когда она наконец очнется? Смотрите, ведь бледная вся и дышит тяжело!

Качок резко оборвал его:

– Я же сказал, не волнуйтесь. С ней все будет хорошо. Это абсолютно безвредное вещество, выключает совсем ненадолго. Ощущения потом абсолютно нормальные, я на себе испытывал. Парень тоже скоро очухается.

Услышав, что она была в отключке не так уж и долго, Лайма приободрилась. Может быть, еще не поздно и она успеет выбраться отсюда и добраться до дома, пока Андрей не приехал. А иначе... Про «иначе» она даже думать не хотела. Как объяснить Травину все эти истории с ее второй, тайной жизнью сотрудницы спецслужб, она не представляла.

Итак, задачей номер один становилось немедленное освобождение из плена.

По-прежнему не открывая глаз, Лайма старалась сквозь ресницы осмотреть грядущее поле битвы. В том, что будет битва, она не сомневалась. Салон машины был огромен, в таких Лайме раньше ездить не приходилось. Именно в этот момент Корнеев застонал и сел прямо. Начал тереть руками глаза. Попытался привстать, но потом снова упал на свое место и возмущенно воскликнул, обращаясь к очкастому:

– Вы меня усыпили, как морскую свинку!

– А вы меня ударили, – парировал тот, не оборачиваясь.

– Вы и Лайму усыпили! – продолжал бушевать Корнеев. Впрочем, бушевать – сильно сказано. Судя по голосу, ему было здорово не по себе. – Это незаконно!

– Не стоит все драматизировать. У меня ведь был приказ – доставить. Я и доставляю. Дело очень срочное и крайне важное.

– Но не такими же методами! – возразил Евгений. – Есть в этом катафалке вода? Во рту пересохло, говорить невозможно.

Ему протянули пластиковую бутылку, и Корнеев жадно выпил ее всю. И снова принялся возмущаться:

– Ну, дали бы людям спокойно пожениться.

– Поверьте, не получилось бы спокойно. Сначала свадьба, потом медовый месяц, потом беременность. Знаем мы эти штучки. А дело не ждет.

– Ну, объяснить хотя бы надо было, – гнул свое Корнеев.

– Вы знаете госпожу Скалбе даже лучше меня, – усмехнулся очкастый. – Она бы уперлась, и никакие силы природы ее бы с места не сдвинули. Вы же сами мне сказали, что она, скорее всего, пошлет нас куда подальше.

– Вас, – уточнил пунктуальный Корнеев. – Но все равно надо было сначала поговорить. Вы обещали.

– Вижу, вы моим обещаниям не поверили, раз решили забежать вперед и предупредить.

– Лайма – мой боевой друг. А друзей не предают.

– Поэтому вас пришлось тоже временно нейтрализовать.

– А Лайму вы нейтрализовали по полной, – сказал Корнеев и насмешливо добавил: – Помоему, вы ее боитесь.

– Только пень не боится женщин с железным характером, – отрезал очкастый.

– Помешать женщине выйти замуж – все равно что отменить Новый год, – гнул свое Корнеев.

– У меня ответственное задание, а вы тут со своими сантиментами, – вдруг разозлился его собеседник. – Если я так сделал, значит, надо. Скоро сами поймете. Все, закончили обсуждение, едем на инструктаж.

– Вы уверены, что инструктаж нельзя отложить на завтра? – любопытствовал Евгений. – Сыграли бы свадьбу, и счастливая новобрачная, полная сил и энергии, добровольно

поехала бы на этот жизненно важный инструктаж. Гораздо меньше было бы проблем. Кстати, я почему-то думаю, что проблемы еще будут.

– Не поехала бы. Замужняя женщина с перспективами роскошной семейной жизни – труп для контрразведки.

– В каком смысле труп? – напряженно спросил Евгений.

– В переносном. В смысле – не боец. Короче, сегодня и только сегодня. Завтра уже вылет на задание.

– А свадьба? – не мог уgomониться обычно немногословный Корнеев.

– Как сказал товарищ Шурик в одной популярной комедии: «Свадьбы – не будет!» Во всяком случае, пока не состоится инструктаж.

– Но жених, гости... Как быть с ними? Ее же начнут искать, звонить в милицию!

– Мы приняли ряд мер. В этом деле затронуты важнейшие государственные интересы, причем не только нашей страны, так что – не беспокойтесь. Во дворце бракосочетаний предупредят, что мероприятие переносится. С женихом поговорим, объясним, успокоим. Все будет в порядке. Если бы не срочность! Думаете, мне это приятно? Действительно – что делать, если бы Скалбе вдруг уперлась? В общем-то ее можно понять, ситуация несколько необычная. Любая женщина возмутилась бы, но... Лайма ведь не любая женщина, она ценная оперативная единица. Ситуация возникла внезапно, поверьте. Отсюда спешка.

– А по-моему, вы просто подло подгадали время. Знаю я эти ваши шпионские штучки! Чтoбы вселить в агента боевую злость, вы на многое способны... И почему она до сих пор без сознания? – Корнеев озабоченно уставился на Лайму.

Та с едва сдерживаемым негодованием слушала весь этот разговор. Надо же, кто-то за нее решает, быть свадьбе или не быть. Неизвестно, кстати, что там за государственные интересы. Может, опять какой-нибудь проповедник прибыл? Ну, ничего, мы еще посмотрим!

Для начала можно попробовать открыть дверь машины и кубарем вывалиться на асфальт. Лайма неоднократно видела такие трюки в кино, но самой проделывать подобное не приходилось. Она лишь догадывалась, что нормальный человек, а не супергерой, может сломать себе во время исполнения такого номера не только руки и ноги, но и шею. К тому же велик риск попасть под колеса другой машины. Тем не менее это был шанс.

Дождавшись, когда машина затормозит перед очередным светофором, Лайма как бы случайно стала заваливаться набок, в сторону ближней к ней дверцы. Ей даже удалось незаметно нащупать ручку и быстро потянуть ее на себя. Качка, если он дернется, можно отпихнуть ногой и смело кувырнуться вниз, невзирая на последствия. Уж лучше остаться мертвой невестой, чем быть живой рабыней!

Но фокус не удался – двери оказались предусмотрительно заблокированы. К счастью, никто не заметил Лаймину уловку. Теперь надо было думать, как быть дальше. Захватить в заложники очкастого? Но у нее нет ни пистолета, ни ножа, ничего, что можно было бы приставить к его лысеющей голове или тонкому горлу. Корнеев тоже наверняка безоружен. Кричать «спасите» бесполезно – никто не услышит. К тому же незнакомый мужчина предъявит удостоверение службы безопасности – и кто будет потом вмешиваться? Положение казалось практически безвыходным.

В этот самый момент очкастый спросил водителя:

– Леша, а чего так душно стало? На улице жара, и здесь дышать уже нечем!

– Так кондиционер сломан, я же говорил. Другой такой же машины у фирмы уже не было, искать было некогда, но вы сказали, что мы за час управимся, потерпим. Может, окна открыть?

– Нет, окна нельзя, маскировку нарушим.

– А, зараза, здесь же люк есть, на крыше, – вдруг сообразил шофер. – Забыл совсем, я ведь на таких сроду не ездил.

– Люк – то что нужно. Давай проветримся. Знаешь, как открыть?

Водитель быстро разобрался как, и прямо над головой Лаймы вдруг появился кусок ярко-голубого неба. Она мгновенно поняла: вот он, ее единственный шанс, ее путь к свободе. То, что для этого предстояло совершить сложнейшее гимнастическое упражнение уровня олимпийской чемпионки, Лайму отчего-то совершенно не смутило.

Не забывая, что для окружающих она все еще без сознания, Лайма потихоньку стала группироваться для прыжка, сжимая себя сантиметр за сантиметром – как пружина, готовая в любую секунду распрямиться.

К последующему развитию событий ее спутники точно не были готовы. Когда Лайма, издав боевой вопль, сильно оттолкнулась и прямо с сиденья сиганула в люк, Корнеев лишь в изумлении открыл рот, а очкастый чертыхнулся. Через пару секунд Лайма, подтянувшись на руках, ловко выбросила свое тело из салона прямо на крышу машины.

Она даже сама до конца не поверила, что ей удалась эта опасная авантюра. Сзади послышались невнятные крики, и ей показалось, что кто-то схватил ее за щиколотку. Она брыкнула ногой, и прекрасная свадебная туфля, удержавшаяся во время прыжка, слетела и потерялась. «Может быть, Корнеев из жалости ее подберет?» – подумала Лайма. Она представила, как позже, когда все останется позади, он будет ей выговаривать: «Разве так можно, командир? Так поступают, только когда жизнь в опасности! А тебя всего лишь утащили со свадьбы. А что такое свадьба? Это просто публичная констатация того факта, что ты в кого-то влюбился».

Однако для Лаймы это был вопрос принципа. В конце концов, она не училась в шпионской школе. Ее завербовали с помощью шантажа и теперь распоряжаются ее жизнью! Она не против еще разок спасти мир, но уж пусть тогда ее об этом попросят как следует.

С проворством гадюки она быстро проползла по крыше вперед. Ей было очень страшно – лимузин ехал хоть и медленно, но все же ехал! А Лайма в своем белом платье и с прической а ля мадам Помпадур плашмя лежала на крыше, растопырив руки и пытаясь как можно плотнее прижаться к ней животом. Лимузин продолжал свой размеренный неторопливый бег по забитой транспортом улице. «Скорее всего, – судорожно соображала Лайма, – водитель ищет место, где можно остановиться: такую машину просто так не припаркуешь. И лишь тогда парни начнут ловить меня. Корнеева нейтрализуют, если уже не сделали с ним что-нибудь. Ладно, он справится. В конце концов, его во Дворце бракосочетаний никто не ждет».

Тут лимузин все-таки начал притормаживать. Лайма решила воспользоваться моментом. Первым делом она попыталась избавиться от оставшейся туфли, сильно дрыгнув ногой. После первого же дрыга сзади раздался короткий басистый крик и грохот, из чего она сделала вывод, что один из качков полез за ней в люк, а она его нечаянно нейтрализовала. Еще пара взбрыкиваний, и туфля соскочила с ноги и улетела назад. Немедленно раздался визг тормозов и возмущенное гудение клаксона. Вероятно, предмет ее гардероба шарахнул по лобовому стеклу идущего сзади автомобиля и до смерти напугал водителя. Все это промелькнуло в сознании Лаймы за считанные секунды. А уже в следующий миг она совершила второй за сегодняшнее утро подвиг – после корявых и неэстетичных телодвижений выпрямилась на крыше во весь рост.

Она стояла босиком, раскинув руки в стороны для равновесия, и молила Бога, чтобы коварный шофер внезапно не ударил по тормозам. Похоже, зрелище было впечатляющим, так как некоторые машины стали тормозить, а другие громко и продолжительно сигналить, отдавая дань уважения отважной незнакомке. Пешеходы на тротуарах по обеим сторонам улицы разевали рты и показывали на нее пальцами. Но Лайме было не до восхищения публики – ей казалось, что вот прямо сейчас ее сдует с машины и унесет вдаль, как осенний лист.

Из люка опять кто-то полез, и Лайма затравленно огляделась по сторонам. Тем временем какой-то шустрый «жигуленок» с прицепом стал обгонять неповоротливый белый лимузин. Мгновенно оценив обстановку и опрометчиво решив, что в прицепе обязательно должны перевозить что-то мягкое и упругое, она, зажмурив глаза, прыгнула чуть вперед и вниз. К сча-

стью, ее дилетантский расчет оказался верным – она попала именно в прицеп, а не на крышу «жигуль» или на капот идущей следом машины.

Судя по всему, «жигуль» с прицепом принадлежал какому-то усердному дачнику, который решил обогатить скудную подмосковную почву то ли черноземом, то ли удобрениями. «В конечном счете, – подумала Лайма, протирая глаза и отплевываясь, – это не самый худший вариант. А если бы он вез арматуру или колючую проволоку?»

Глянув назад, она увидела стремительно отстающий белый лимузин и вздохнула с облегчением. Теперь дело за малым – уехать подальше от преследователей и благополучно выбраться из этой клумбы на колесах. Что по сравнению с уже пережитым, конечно, сущие пустяки.

Вот тут-то она и ошиблась. На первом же светофоре владелец «Жигулей» выскочил из машины, потому что краем глаза видел, как что-то большое и белое свалилось в его прицеп. Когда Лайма предстала перед ним во всей красе, лицо его мгновенно утратило решительное выражение.

– Какого черта... – начал было он и замолчал, отвалив нижнюю челюсть. – Вы что, невеста?!

– Невеста, невеста, – пробормотала Лайма, с тревогой отыскивая глазами лимузин, который мог появиться в любую минуту.

– Как же вы в прицеп-то свалились? – сердито спросил водитель, протягивая руки, чтобы помочь ей выбраться наружу. – Напились после бракосочетания? Теперь вот все платье в грязи!

– Я лимузины перепутала, – сказала Лайма, выпрыгнув из гостеприимного жестяного кузова. Комья земли полетели от нее во все стороны. – Жених оказался чужим. Вот я и выпрыгнула. Теперь мне надо собственного жениха найти. Любовь, знаете ли, это страшная сила. Ради нее люди куда только не прыгают.

Вот чего Лайме точно не удалось, так это затеряться в толпе. Ее вид вызывал у прохожих испуг и неистребимое желание звонить в санитарно-эпидемиологическую службу. Ну, или в милицию. Затаившись у помойки в незнакомом дворе, Лайма стала обдумывать, как ей быстро связаться с Андреем. Просить телефон у людей на улице даже нечего и думать – сразу заберут в отделение. Таксофон? Но там нужны карточки, а денег нет. К тому же она тысячу лет не пользовалась этими аппаратами и не была уверена, что они еще существуют.

От бессилия Лайма даже заскрежетала зубами и стала тихонько подвывать.

– Тетенька, вам плохо? – раздался детский голосок. – Может быть, врача вызвать?

Рядом стояла девочка лет семи-восьми и с любопытством рассматривала ее.

– Обязательно, – встрепенулась Лайма. – А у тебя есть телефон?

– Есть, только вам я его не дам. Сама вызову врача. Мне папа не разрешил никому телефон давать.

Она посмотрела на Лайму серьезно и нахмурила белые бровки.

– Правильно, никому нельзя давать свой телефон, – тут же согласилась Лайма. – Только набери тот номер, который я тебе скажу, ладно?

– Это ваш доктор? – уточнила девочка.

– Ага, доктор. Он должен быстро приехать и забрать меня.

– В больницу?

– Ну, вроде того. Так наберешь?

Лайма продиктовала девочке мобильный Андрея.

– Он трубку не берет, – сообщила через некоторое время девочка. – Наверное, занят.

– Наверное, – задумчиво промолвила Лайма. – Тогда набери, пожалуйста, еще один номер. Сможешь?

– Еще один смогу. А потом мне надо домой, а то бабушка будет ругаться.

– Пожалуйста, только один! – взмолилась Лайма, надеясь, что Андрей сейчас у нее дома.

Ну хоть кто-то ведь дома должен быть – Вера, например.

– Ответили! – радостно сообщила маленькая спасительница.

– Спроси, кто это.

Девочка внимательно выслушала ответ и растерянно обернулась к Лайме.

– Дяденька сказал, что он вижа... жиза... жаст. Наверное, неправильный номер, это не доктор.

– Доктор, доктор! – закричала Лайма, боясь, что девочка отключит телефон. – Скажи ему, чтобы позвал Веру!

Девочка послушно повторила просьбу.

– Он сказал, что Вера уехала. Спрашивает, кто я.

– Скажи, племянница. И спроси, куда уехала Вера? – суфлировала шепотом Лайма.

– Сказал, искать невесту.

Лайма едва не зарыдала. Этого только не хватало – паника уже началась.

– Спроси, а жениха там нет?

– И жених уехал искать невесту. Что-нибудь еще спросить? А то мне домой надо.

– Спроси, когда они уехали, как, куда?

– Он сказал, недавно, на белой свадебной машине. Куда, он не знает. Я отключаюсь?

Быстренько распрощавшись с доброй девочкой, которая ускакала в ближайший подъезд, Лайма обошла дом и нашла табличку с адресом. Посмотрев название улицы, она поняла, что пешком будет добираться как минимум час. А иначе как пешком и не получится. Кто ее повезет – без денег и всю в черноземе?! К слову сказать, чернозем противно вонял. Хорошо хоть, не навоз... Настроение испортилось окончательно. К тому же ее пугало предстоящее объяснение с Андреем, уехавшим искать ее на свадебной машине.

Неожиданно она подумала, что зря застряла в этом дворе так надолго. Похитители уже наверняка организовали погоню и повсюду ее ищут. Вероятно, и подмогу вызвали, так что лучше уж отсюда убраться поскорее.

* * *

Лайма, как могла, привела себя в порядок. То есть окончательно развалила прическу, вымазала лицо и развезла грязь по подолу. После этого, соблюдая все меры предосторожности, она выбралась на оживленную улицу и быстрым шагом двинулась по направлению к дому.

Судя по презрительно-сочувственным взглядам женщин, со стороны выглядела она неважно. «Интересно, – размышляла Лайма, стараясь не встречаться взглядом с прохожими, – что бы я сама подумала, встретив босоногую чумающую даму в платье, на котором, судя по его виду, выпалась сотня-другая лягушек?»

Вспомнив о загубленном свадебном наряде, Лайма даже прослезилась. Но тут впереди она увидела нечто, от чего набежавшие слезы мгновенно высохли. Прямо по курсу виднелся до боли знакомый белый лимузин, стоящий у тротуара. Рядом, облокотившись о распахнутую заднюю дверцу, стоял очкастый и разговаривал по мобильному телефону. Мгновенно сориентировавшись, Лайма совершила ловкий маневр, нырнув в проход между соседними домами. Дворами она шла довольно долго, но зато когда опять вышла на улицу, ее преследователи остались далеко позади. Однако успокаиваться Лайма не собиралась, так как не знала масштаба открытых против нее боевых действий. Преследователи могли появиться внезапно и неизвестно откуда.

«Главное – попасть домой и связаться с Андреем, а там – будь что будет», – повторяла она про себя, постепенно ускоряя шаг и практически переходя на бег. Лайма успела даже подумать, что, может быть, все как-то уладится, но вдруг похолодела – прямо перед ней, метрах в пятидесяти, маячил белый лимузин. Он только что тронулся со светофора и вальяжно ехал навстречу, нахально сигналив. «Попалась! – в ужасе застыла на месте Лайма. – Сейчас из машины выско-

чат люди в масках и затолкают меня внутрь, чтобы вести на чертов инструктаж». Поняв, что убежать не успеет, она приготовилась к обороне, собираясь нанести обидчикам максимальный урон. Но еще через секунду до нее вдруг дошло, что это совсем другая машина. Не могли преследователи так быстро развернуться и пробиться через пробки! «А вдруг это Андрей с Верой? – Лайма едва не задохнулась от охватившего ее волнения. – Точно, они! Не может же быть таких совпадений – два одинаковых лимузина на одной улице. Вот и сигналият мне!»

Переполненная надеждой, она бросилась на дорогу навстречу белому автомобилю, обмотанному атласными лентами. Через минуту, изящно увильнув от двух-трех встречных машин, Лайма очутилась прямо на пути следования вожака лимузина. Лимузин был вынужден остановиться, взвизгнув тормозами и едва не толкнув ее бампером. Лайма забарабанила ладонями по капоту, отчего на белоснежной поверхности появились грязные отпечатки. Затем она раскинула руки в стороны, словно собираясь обнять весь земной шар, и громко завопила: «Андрей! Андрей!» Ее Андрей должен был сразу понять, что она попала в катастрофическую ситуацию, иначе... Иначе как она ему все объяснит?!

Тут открылись дверцы с обеих сторон, и из лимузина стали вылезать совершенно незнакомые Лайме нарядные люди, среди которых была девица в белом платье и фате. Шофер выскочил вперед и, сверкая глазами и брызжа слюной, закричал:

– Да что же это сегодня такое, блин?! До загса доехать не дают!

– А... Так у вас тут свадьба! – воскликнула Лайма, всплеснув руками. – И невеста имеется. Своя собственная. Что ж, поздравляю с праздником! Желаю долгих лет совместной жизни. Будьте, как говорится, здоровы, живите богато!

– А это что у вас там на спине болтается – фата? – с подозрением спросил мужчина с фингалом под глазом, обходя вокруг Лаймы. – И платье вроде как белое.

– С утра было белое, – согласилась Лайма.

– Это не вас, случайно, прямо со свадьбы украли?

– Откуда вы знаете?!

– Да ваш лимузин напал на наш лимузин! – волнуясь, сообщил тип и побагровел лицом. – А ваш жених напал на нашего жениха! Драка была. Большая свадебная драка! Салон шампанским облили, букеты обтрепали, дедушку завели, до сих пор успокоить не можем...

– То есть меня ищут?! – обрадовалась Лайма, чувствуя предательскую дрожь в коленках. Да, она, конечно, спецгент и уже много чего повидала... Но быть женщиной, ради которой совершаются подвиги, гораздо, гораздо приятнее.

Ее обступила плотная толпа нарядно одетых людей, в том числе девица в розовом и девица в голубом, которые что-то беспрестанно чирикали.

– Ваши остались в двух кварталах позади нас. Они там припарковались. Если только еще не уехали!

– Куда они могли уехать-то? – возражал жених. – Только вперед и могли. А мимо нас еще не проезжали. Так что еще есть шанс!

– Ой, спасибо вам огромное! – вскричала Лайма. – Можно я вас поцелую?

– Нет! – заявила невеста, все это время прятаясь за жениха, и выступила вперед. – Ни за что!

– Правильно, – поддержал ее кто-то из задних рядов. – Жених, как боец, должен концентрироваться на одной цели.

– Тогда просто спасибо, – не обиделась Лайма. – Будьте счастливы, а я побежала догонять свое счастье.

– Удачи! – закричали все, махая руками.

И только маленькая старушка с букетиком ромашек в руках шепнула ей на прощание:

– Если счастье улизнуло, его вприпрыжку не догнать. А коли жених потерялся, оставь его: значит, не твой это человек, чужой.

* * *

– Лайма, ради бога, что случилось?! – тормозил вновь обретенную невесту Травин, затаскивая ее в машину.

– Андрюш, не волнуйся, со мной все нормально.

– Нормально?! Ты похожа на Рэмбо, только что разрушившего маленький американский город.

Борис подвинулся, освобождая сиденье и улыбаясь во весь рот. Вера сначала бросилась Лайму обнимать, потом стала плакать, громко всхлипывая и вытирая нос ладонью.

– Я ехала в прицепе с черноземом, – сообщила та. – Это, я вам доложу, не в лимузине прохладаться. Мы расписаться еще успеем?

– Лайма! – одернул ее Андрей. – Что значит – расписаться?! Ты до сих пор ничего не объяснила. Рассказывай немедленно!

Тон его был таким холодным и требовательным, что кривая Лайминого возбуждения резко пошла вниз.

– Андрюш, мне без тебя было та-а-к плохо! – жалобно воскликнула она. – Я тебе сейчас все расскажу, и ты все поймешь. Потому что ты самый замечательный, самый понимающий человек на свете.

Лучшее женское оружие – это не слезы, как думают некоторые, а лесть. Красотой можно завлечь, умом поразить, нежностью подкупить, но по-настоящему завоевать мужчину можно только лестью.

– Ну, – сказал Травин милостиво. – Я тебя слушаю. Мы все внимательно слушаем. Два свадебных лимузина на одну невесту – многовато, тебе не кажется? Что, и второй жених был, да?

«Черт, и почему всегда происходит одно и то же? С друзьями, приятелями и незнакомцами я могу быть настоящей. Но стоит только завести близкого человека, как тотчас приходится притворяться то курочкой, то дурочкой».

– Кто эти мерзавцы? – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, спросил Андрей. – И где они?

Вера посчитала нужным вмешаться:

– Ты же видишь, как Лайма выглядит! Сразу ясно, что ее украли. Что она ни в чем не виновата!

– Ни в чем не виноваты только утки в пруду. Это бывший поклонник? – продолжал насканывать Андрей. ореол благородного героя слетел с него, как мишура с елки. Когда надо было действовать, он действовал как воин. Но когда пришло время выяснять отношения, растерял всю свою мужественность.

– У меня нет бывших поклонников! – гордо ответствовала Лайма. Вера взглянула на нее укоризненно, и она тут же поправилась: – Вернее, они, конечно, есть, но не настолько сумасшедшие, чтобы затевать целую операцию похищения. Эти люди... Ну как бы тебе объяснить?

– Конечно, я тупой, как мне объяснишь? – свирепо спросил Травин и сложил руки перед грудью.

Неожиданно в их бурные объяснения вмешался шофер.

– Так мы едем сочетаться браком или не едем? – крикнул он, обернувшись. – Еще можем успеть, если поднажмем...

– Едем! – рявкнул в его сторону Травин. И ехидно поинтересовался у Лаймы: – Надеюсь, пока ты бегала от похитителей, ты не передумала, дорогая?

Мерзкое словечко «дорогая» Лайма терпеть не могла. И Травин это прекрасно знал. Интересно, если первые же трудности заставляют его вымещать свое настроение на женщине,

то что будет потом? Ведь семейная жизнь – это как мешок с подарками. Каждый подарочек достаешь вслепую и даже не знаешь, понравится он тебе или нет.

Тут снова подала голос Вера, задавая вполне резонный и своевременный вопрос:

– А как ты в таком виде замуж выходить собираешься?

– Не знаю, – ответила Лайма, с грустью осознав, что поцелуй перед алтарем вряд ли будет таким же чудесным, как в фильмах о вечной любви.

– Может быть, отложить свадьбу? – пробормотал Борис, откровенно потрясенный растерзанным видом невесты.

– Отложить?! – взревел жених. – Да ты в своем уме? Там столько народу задействовано, я все распланировал. И еще медовый месяц! Нет, никаких «отложить». Я решил сегодня жениться, и я женюсь, даже если моя невеста выглядит как пугало.

Лайма сузила глаза, и Вера быстро спросила:

– Может, тебе мое платье попробовать? Конечно, оно не по размеру, но другого все равно нет.

Нельзя сказать, чтобы Лайма возрадовалась. Подруга была ниже нее и гораздо шире в талии. Кроме того, у Веры не было травинского размаха, поэтому свой наряд она покупала очень далеко от Лондона, на Черкизовском рынке.

Женщины удалились в глубь лимузина и долго возились там, ойкая и попискивая. Верина косметичка, влажные салфетки и расческа сотворили чудо. Впрочем, когда подруги выбрались из автомобиля, стало ясно, что чудо весьма относительное. Вера была стиснута грязным платьем так, что казалась гусеницей в перетяжках и волочила по полу матерчатый хвост. Из-под рукавов были видны только красные ногти. А Лайма с открытыми коленками напоминала девочку, которой из наволочки сшили карнавальный костюм – платье висело на ней мешком и казалось равносильным.

– Ну как? – спросила она Травина, который смотрел на нее с напряженным вниманием.

– Да уж, Лагерфельд бы обзавидовался...

– Ты на себя посмотри, – беззлобно огрызнулась Лайма. – Без бабочки, пуговица оторвана, смокинг мятый!

– Так я же без претензий, – более миролюбиво отозвался Травин. – Да, кстати, а ты так босиком и пойдешь?

Лайма даже застонала – какая же дура, совсем забыла про обувь, расхаживает, как селянка во время сенокоса.

– Как быть? – жалобно спросила она у Веры.

– Не знаю. Мои не подойдут точно, минус два номера, ты же знаешь.

И это была горькая правда.

– Вы извините, что я вмешиваюсь, – заговорил водитель лимузина, смирившийся с тем, что у него сегодня экстремальный выезд. – Просто у меня во время одной свадьбы дамочка в машине переобувалась, попросила свои туфли в багажник положить. Забрать забыла, так и вожу их с собой уже месяца два – вдруг вспомнит. Попробуйте, может быть, подойдут.

Он принес мягкие туфли без каблука ядовито-зеленого цвета, которые Лайма натянула без ущерба для здоровья.

– Ну как? – победоносно поинтересовалась она и притопнула ногой.

– Гармонично, – одобрил Травин. – Особенно в сочетании с розовым платьем, которое явно тебе мало.

– Не мало, а коротко. Платье мне на самом деле велико. Надо же понимать разницу.

– Прекратите обсуждать мое платье! – напустилась на них Вера. – Мне и так плохо.

– А почему мы подъехали ко Дворцу бракосочетаний с тыла? – сердито спросил Андрей у водителя. – Высаживаете нас на задворках, а у нас все-таки важный день. Кроме того, мы опаздываем.

– Дык... Вы же видели – там все перегорожено! – начал оправдываться тот. – Не знаю уж почему. А по-другому никак не пробраться! Здесь ближе всего.

Борис побежал на разведку – искать родственников и гостей и проверять, не пропустили ли Травин и Лайма свою очередь. По времени укладывались тик в тик, но все равно беспокоились.

Вера с Лаймой еще некоторое время поправляли друг другу пояски и прически, а Травин разговаривал по мобильному.

– Ладно, примерка обновок закончена, – наконец сказал он, тревожно поглядывая в сторону Дворца бракосочетаний. – Что-то мне не нравится здешнее оживление. Кажется, я вижу милицейские фуражки. А они никогда не украшали торжественных мероприятий.

В этот момент появился Борис, бегущий вприпрыжку, словно школьник. То, что он несет сногшибательную новость, было написано у него на лице.

– Что там случилось? – настороженно спросил Андрей еще издали.

– Слушайте, там такое происходит – с ума сойти.

– Что?! – хором спросили все.

– Дворец оцеплен милицией, из здания вывели всех сотрудников и посетителей, никого близко не подпускают. Ищут бомбу.

– Бомбу? – переспросила Лайма, почувствовав, что ее пульс начинает набирать обороты.

– Ну да. Вроде кто-то заминировал здание. Говорят, этот бардак по меньшей мере два часа продолжается. Когда наши гости стали подтягиваться, уже милицейские кордоны стояли и в матюгальники всех предупреждали, что свадеб не будет, пока они не обеспечат безопасность.

– А когда они ее обеспечат? – растерянно спросила Вера. Она была расстроена. Еще бы. Только дурак мог игнорировать такие знаки судьбы. Свадьба подружки не заладилась с самого начала, и ждать благополучного ее завершения просто смешно.

– Саперы уже работают, – отрапортовал Борис. – Так мне наш Гришка сказал. И еще он сказал, чтобы мы не торопились – история долгая. Там ведь очередь скопилась из тех, кто должен был раньше расписываться.

– А он ничего не перепутал, ваш Гриша? Может быть, ребята уже выпили и теперь шутят? – со слабой надеждой в голосе поинтересовалась Вера.

– Гриша вообще не пьет, – отрезал Борис.

– И не шутит, – добавил Андрей. – Он руководит службой безопасности одного известного казино.

– Я сейчас тетке дозвонюсь, может, она чего знает, – неуверенно бросила Лайма, протягивая руку за его телефоном.

– Да брось, и так все ясно. Давайте обойдем здание и подберемся поближе к главному входу. Ох, вот, любуйся! – Андрей под ручку провел Лайму между клумбами с анютиными глазками и вытянул руку.

Картина, представшая их взору, была впечатляющей. Несколько свадебных кортежей в живописном беспорядке расположились вокруг здания Дворца бракосочетаний. Здесь было с пяток одинаковых длинных белых лимузинов с куклами, кольцами и колокольчиками на крышах, капотах и бамперах, а также несколько десятков других машин – от шикарных иностранных до скромных отечественных. Единственное, что их объединяло, – разноцветные ленты и шары, привязанные за что придется. Со стороны это напоминало то ли ультрасовременный цыганский табор, то ли массовую забастовку водителей, обслуживающих торжественные мероприятия.

Между зданием и машинами виднелись многочисленные милицейские фуражки. Вокруг машин и между ними стояло очень много празднично одетых людей. Было видно, как они взволнованно переговариваются друг с другом. Впрочем, некоторые особо активные гости, не теряя времени даром, уничтожали наличный запас шампанского, разливая его во что попало.

Лайма, Андрей, Борис и Вера влились в толпу празднующихся женихов, невест, их родственников, друзей и знакомых.

– Да-а, – протянул Андрей, озираясь по сторонам. – Бывали в моей жизни разные веселые денечки. Но такого я что-то не припомню.

– Я тоже, – пробормотала Лайма, одергивая куцее платье. – Тоже что-то такого не припомню.

– Пойду поищу наших, – сообщил Борис и растворился в людском водовороте.

– А я попробую разыскать твоих и приведу сюда, – нашла себе занятие Вера. – Надеюсь, увидев меня, твоя тетка не покроется сыпью от ужаса.

Когда они остались вдвоем, Андрей, наклонившись к уху невесты, тихонько спросил:

– Лайма, мне не нравится твой взгляд. Ты выглядишь как малолетний похититель варенья. Лучше скажи правду сразу. Это, случаем, не твои похитители сработали? Может быть, ты объяснишь мне, что сегодня происходит? То, что я не задаю вопросов, вовсе не значит, что я не желаю получить ответов.

Лайма поняла, что час расплаты настал – надо объясняться с Андреем. Она очень хотела оттянуть этот момент и признаться ему во всем потом, после свадьбы. К сожалению, обстоятельства оказались выше ее намерений.

– Прости, я должна была тебе все рассказать гораздо раньше, но я просто не могла. В общем, это абсолютно секретная тема. И я тебя прошу – ни с кем не делись тем, что сейчас услышишь. Я даже не знаю, имею ли я право тебе говорить все это. Знаешь, что такое государственная тайна?

– Лайма, – перебил ее Травин, и глаза его превратились в кусочки арктического льда. – Только ради бога, не рассказывай мне, что тебя похитили сотрудники спецслужб, что ты наша российская Мата Хари, а вся твоя деятельность входит в сферу государственных интересов и является глубоко засекреченной.

– Но это правда! – воскликнула Лайма. – Самая чистая правда.

Андрей поиграл желваками, потом с усилием придал лицу нормальное выражение и обратился к невесте чистый взгляд:

– Ладно, давай серьезно. Не знаю, почему ты не хочешь говорить мне правду, предпочитая это наивное вранье, но надеюсь, ты имеешь для этого основания. Я тебя все равно люблю и полагаю, что когда ты станешь законной супругой, то не будешь от меня ничего скрывать. И расскажешь, что на самом деле сегодня произошло. Договорились?

На взгляд Лаймы ситуация была патовой.

– Ну, хорошо, – кивнула она. – Это действительно полная чепуха. И к бомбе я тоже не имею никакого отношения.

Не успела она договорить, как услышала свое имя, громом разнесшееся над головами присутствующих. Голос человека, произнесшего его, был многократно усилен мегафоном.

– Лайма! Лайма Скалбе! – Человек с мегафоном глумливо переврал ее фамилию, делая ударение на последнем слого. – Здесь есть невеста по имени Лайма Скалбе? – продолжал надирать тот же голос. – Подойдите, пожалуйста, к первому заграждению.

– То есть ты не имеешь к этому никакого отношения? – насмешливо спросил Травин. – Что же ты стоишь – иди. Смотри, этот тип уже весь посинел от натуги.

– А ты со мной пойдешь? – напряженно спросила Лайма.

– Зачем? Меня же не зовут. Если возникнет необходимость – я в машине.

И Травин, развернувшись, двинулся к лимузину. Понятно, что он был зол и расстроен, но тем не менее для Лаймы это ничего не меняло. Мужчина, который легко перешел из команды защиты в команду нападения, стремительно терял очки в ее глазах.

– Лайма Скалбе! – продолжал разоряться человек с мегафоном. – Пройдите к первому заграждению.

– Надо же, какая странная фамилия – Скалбе! – немедленно удивился стоявший рядом розовощекий пузан. И передразнил: – Скалбе, Скалбе, висела на столбе!

– Ну и фантазия у вас, гражданин, – сердито сказала Лайма. – А если бы про вашу фамилию какую-нибудь глупость сочинить?

– Моя фамилия Круглов! – хвастливо сказал розовощекий и поглядел гоголем: ну-ка, мол, попробуй сочини.

– Из Круглова, из Круглова я сварю кастрюльку плова, – продекламировала Лайма и скрылась в толпе, оставив пузана в полной растерянности.

* * *

– Это первое заграждение? – поинтересовалась Лайма, протиснувшись сквозь толпу любопытных к милиционеру с мегафоном.

– А в чем дело? – казенным голосом отозвался тот, подозрительно оглядывая Лайму.

– Мне сказали подойти к первому заграждению. Я – Лайма Скалбе.

– Вы – невеста? – недоверчиво спросил милиционер, оглядывая ее наряд.

– С утра числилась невестой, но потом как-то все не задалось, – честно призналась Лайма.

– Оно и понятно, – охотно согласился представитель власти.

Лайме вдруг показалось, что этот милиционер обладал некоей тайной информацией обо всем происходящем. Однако поделиться этой информацией с ней не спешил.

– А что случилось? Кто меня звал и зачем?

– Вы нам очень нужны. Даже необходимы. Дело срочное. Только паспорт покажите, пожалуйста, надо убедиться, что вы действительно Лайма Скалбе.

– Паспорт? – растерялась Лайма. – У меня нет с собой паспорта.

– То есть как это – нет? – поразился милиционер. – Как же вы собирались зарегистрировать брак без паспорта?

– Я... То есть, конечно, он где-то есть... – Тут Лайма в изнеможении замолчала.

В самом деле – не рассказывать же здесь всю эту дикую историю с похищением. Кажется, ее паспорт у Веры. Или у Андрея?

– Сейчас сбегая к машине. Он должен быть у моего жениха, – сообщила она милиционеру.

– Давайте, только быстрее, а то могут серьезные неприятности случиться, – поторопил он ее.

– Да? – вяло удивилась Лайма. – Я-то думала, на сегодня лимит неприятностей исчерпан. Но, оказывается, еще есть в запасе.

– Послушайте, дамочка! – рассердился вдруг человек с мегафоном. – Счет идет на минуты, а вы шуточки шутите. Несите документ, а то не ровен час, здесь все на воздух взлетит из-за вас!

– Из-за меня? – оторопела Лайма. – В каком смысле?

– Вам все объяснят. Идите уже!

Терзаемая неизвестностью и неясными предчувствиями, Лайма быстро направилась к белому лимузину.

Андрей, его родственники и друзья сгруппировались около машины и возбужденно переговаривались. Проигнорировав вопросительные взгляды и не вступая ни с кем в разговоры, Лайма оттащила Травина подальше от них и трагическим шепотом спросила:

– У тебя случайно нет моего паспорта?

– У меня, – скорбно промолвил Андрей, – в отличие от некоторых, случайностей почти не бывает. Я стараюсь все предусмотреть. Твой паспорт я держу при себе уже несколько дней.

Так, для полного порядка. Да и тебе некуда было бы его положить – не сумочку же с собой брать. Вот мы и решили – пусть он будет у меня. Вспоминаешь?

– Естественно, – тут же кивнула Лайма, словно иначе и быть не могло. – Дай-ка мне его быстренько.

– Зачем? – с подозрением спросил Андрей.

– Полиция просит. Хочет убедиться, что Лайма Скалбе – это я.

– Зачем? – снова спросил Травин, словно другие слова были ему неизвестны.

– Это, кажется, как-то связано со взрывом, – неохотно объяснила Лайма.

– А... Да-да-да! – ернически подхватил тот. – Дела государственной важности. Бомбы, лимузины, шпионы...

Он выдал ей паспорт и, надувшись, отвернулся.

* * *

Провожаемая многочисленными любопытными взглядами, Лайма в сопровождении милиционера с мегафоном прошла через оцепление. Еще через минуту она уже сидела внутри большого автобуса с наглухо занавешенными окнами и была представлена пожилому мужчине с погонами полковника. У мужчины было усталое, неприветливое лицо.

– Меня зовут Владислав Петрович. Я начальник оперативного штаба по предотвращению террористического акта во Дворце бракосочетаний. А вы – Лайма...

– Можно без отчества, – пискнула Лайма, у которой от волнения что-то случилось с голосом.

– Хорошо. Скажите, Лайма, вам знаком человек по имени... – тут Владислав Петрович затянулся сигаретой и задумчиво уставился куда-то в потолок. В итоге пауза у него получилась прямо-таки классическая. Пока она тянулась, Лайма лихорадочно перебирала в уме возможные варианты. Среди наиболее вероятных были Иван Медведь, Евгений Корнеев, а может, даже сам Игорь Тагиров, куратор группы «У». Или тот очкастый, имя которого так и осталось для нее тайной. По крайней мере, эти люди были способны на масштабную авантюру. «А вдруг мое похищение и этот террористический акт – звенья одной цепи? – подумала Лайма. – Я сбежала, и они решили таким диким способом сорвать мою свадьбу? Несolidно как-то...»

Но тут полковник наконец закончил фразу:

– Афиноген Беседкин.

Лайма подумала, что ослышалась.

– При чем тут Беседкин? Я полагала, вам нужен кто-то, связанный с террористическим актом, и вы хотели меня спросить, не знаю ли я...

– Я и спросил, – раздраженно бросил Владислав Петрович. – И по-моему, вы его знаете.

– Кого? – уставилась на него Лайма.

– Беседкина! – рявкнул полковник. – Знаете ведь?

– Конечно, – кивнула Лайма. – Это мой поклонник. Бывший. Но простите, какое отношение он имеет к тому, что здесь происходит?

– Прямое. Он все и организовал.

– Да не может быть, – рассмеялась она. – Афиноген – уважаемый человек, дипломированный архитектор, входит в состав комиссий по...

– Дело в том, – сурово перебил ее полковник, – что этот Беседкин позвонил сегодня утром в милицию, МЧС, а также пожарным и сообщил, что заминировал Дворец бракосочетаний. И если кто-то, особенно невеста по имени Лайма Скалбе, попытается туда войти, он разрушит здание. Наши специалисты все проверили, однако бомбы не обнаружили. После чего преступник снова позвонил и сказал, что наблюдает за нашими действиями, что мы все равно ничего не найдем, так как никакой бомбы в самом здании нет.

– Хорош преступник! – вырвалось у Лаймы. – Он же просто кретин, поверьте мне. И наверняка безобидный. Так, значит, на самом деле в здании бомбы никакой нет?

– Он сказал, что вырыл где-то подкоп и притащил туда столько тротила, что взлетит на воздух не только Дворец бракосочетаний, но и парочка окрестных домов. То ли блефует, то ли нет – непонятно. Мы уже были близки к тому, чтобы эвакуировать жильцов близлежащих домов, однако нам удалось вычислить местонахождение террориста.

– А как удалось? – заинтересовалась Лайма.

– Оперативным путем, – отрезал полковник. – Детали вам знать необязательно. Хотя он каждый раз звонил с разных телефонов, мои ребята все равно его обнаружили. Им не впервой, и не таких находили.

Глупый, несчастный Беседкин! Устроить такой балаган, и все из-за нее. Теперь ей вдруг стало бесконечно жаль несчастного влюбленного.

– Где же он сейчас? – Голос у Лаймы предательски дрогнул.

– На столбе висит.

– Уже?! Как вы могли? – ахнула она. – Нельзя же вот так, без суда и следствия вешать на столбах! Он никакой не террорист, он совершенно безвредный! Просто свихнулся на почве страсти.

Полковник посмотрел на нее с подозрением, будто не верил, что люди еще могут испытывать друг к другу страсть. А потом вяло махнул рукой:

– Да успокойтесь вы. Никто его не вешал. Мы собирались его схватить, а он, как обезьяна, вскарабкался на фонарный столб и теперь висит там. Причем весь опутанный проводами.

– Так снимите его, – потребовала Лайма, которая ощущала ответственность за судьбу своего поклонника.

– Не можем. Он грозит, что взорвет не только Дворец бракосочетаний, но и себя вместе со столбом. А мы ведь не знаем точно, что там у него за провода, поэтому рисковать не будем. Зато он настойчиво требует свидания с вами. Попробуйте убедить его прекратить сопротивление и сдаться.

– Попробую, – тяжело вздохнула она.

Когда Лайма в сопровождении хмурого Вячеслава Петровича обошла здание дворца и свернула за угол, ее взору открылась сногшибательная картина. Вокруг фонарного столба, одиноко и гордо торчащего посреди нежно-зеленого газона, сосредоточилось несколько десятков людей в форме и в штатском. Большая часть из них охраняла объект, то есть следила, чтобы к столбу никто из посторонних не приближался, а со столба никто не слез и не скрылся.

Лайме оказалось достаточно одного взгляда, чтобы понять – за последнее можно было не беспокоиться.

Высоко над землей, где-то в районе фонаря, гордо реял Афиноген Беседкин. Крепко обняв руками и ногами столб, взъерошенный, с оттопыренными ушами, он напоминал коалу, которая среди отвратительно-бесполезной березовой рощи неожиданно обнаружила любимый эвкалипт, и теперь никакие силы земли и неба были не в состоянии разлучить их.

Лайма разглядела, что Беседкин действительно обмотан разноцветными проводами.

– Можете подойти поближе, – напутствовал ее полковник. – Поговорите с ним, спросите, чего он хочет. И соглашайтесь на все.

– Так я же знаю, чего он хочет, – почему-то шепотом возразила Лайма. – А сама я этого не хочу!

– Не спорьте. Нам главное – снять его живым со столба. И чтобы он нас не взорвал ненароком.

Лайму пропустили через оцепление, и она подошла почти вплотную к серой, уходящей ввысь свече.

– Афиноген! – прокричала она. – Беседкин! Это я, Лайма. Ты хотел меня видеть, я пришла.

Это были ее последние слова. В том смысле, что ничего больше она сказать не успела.

Беседкин глянул вниз, на любимую. Видимо, потрясение от увиденного было столь сильным, что он непроизвольно разжал руки. Или они у него онемели, и когда он шевельнулся, мышцы просто отказали, и все. В тот же миг Беседкин с душераздирающим криком рухнул вниз.

К счастью, сноровистые ребята в форме, предполагавшие подобное развитие событий, сумели ловко подхватить опутанное проводами тело. После чего Афиноген был переправлен в уже знакомый штабной автобус. Пока Беседкина со всеми предосторожностями несли по двору, он успел прокричать:

– Посмотри, во что он тебя превратил! Я бы никогда такого не допустил!

Увидев курившего неподалеку Вячеслава Петровича, Лайма подошла к нему:

– Что я теперь должна делать?

– Ничего, – равнодушно пожал плечами полковник. – Сейчас мы быстренько все выясним, думаю, никакого тротила тут нет. И спокойно выходите замуж.

– Замуж? – почему-то удивилась Лайма.

– Замуж, – подтвердил полковник. – Вы же за этим сюда приехали?

– В общем, да.

– Ну, вот. А что касается этого дела... Если потребуется, вызовем вас в качестве свидетеля, ваши данные у меня есть.

– А с Беседкиным что будет? Его посадят?

– Не факт. Может, он спятил, тогда лечиться будет.

Лайма побрела туда, где ее ждали жених, родственники и друзья. Настроение было совершенно не праздничное, более того – ее терзали дурные предчувствия.

«Что это я расклеилась совсем? Соберись, сосредоточься, думай о хорошем, – приказала она себе. – Ты чуть не разругалась с человеком, которого выбрала в спутники жизни. Немедленно пойд и исправь положение».

Весть о благополучном завершении антитеррористической акции мгновенно распространилась среди окружающих. Причем неизвестно откуда женихам, невестам и сопровождающим их лицам стали известны мельчайшие подробности происшествия. К Лайме подходили незнакомые люди, поздравляли, сочувствовали, утешали, подбадривали. Один парень в роскошном черном костюме вообще заявил:

– Вот моя визитка. Когда вашего Корзинкина выпустят, пусть позвонит – за мной поляна, он мне жизнь спас.

– Беседкина, – машинально поправила Лайма. – В каком смысле – спас?

– Да я не был уверен, что мне эта женитьба нужна. Сомневался. А тут – дополнительное время на раздумья появилось. И я вдруг подумал – на фиг я сюда приехал? Спасибо вам и парню вашему. Обязательно пусть звонит!

Совершенно обалдевшая Лайма почти автоматически продвигалась вперед, разыскивая своих. Наконец она заметила знакомый автомобиль, Веру, Бориса. Увидела Травина, который стоял и сосредоточенно слушал какого-то типа в сером костюме. Ростом тип был значительно ниже Андрея, однако тот смотрел на него как-то уж слишком... подобострастно, что ли.

Тип показался Лайме смутно знакомым. Подойдя поближе, она вдруг заметила, как солнце блеснуло в его очках, и – о, ужас! – узнала своего утреннего похитителя. Он разговаривал с Травиным!

О чем он может разговаривать с Травиным? Неужели ведомство решило ее рассекретить? Они не должны были этого делать! Андрей не простит ей обмана и умалчивания. Лайма бросилась вперед и подскочила к очкастому.

– Лайма Скалбе, – официальным тоном сказал он, едва повернув голову в ее сторону. – Вы едете со мной. Отставить разговоры. Дела государственной важности.

Лайма открыла было рот, чтобы возмутиться, но потом посмотрела на Андрея и только шелкнула зубами, как собака, упустившая бабочку. У ее жениха был покорный вид.

– Невероятно! – воскликнула она, радуясь, что бабушку и тетю Розу увезли в ресторан и что они не видят этой сцены. – И ты вот так просто меня отпустишь, тогда как до нашей свадьбы остались считанные минуты?!

– Дорогая, не надо бузить, – сказал Травин и похлопал невесту по плечу, как товарища по партии. – За тобой приехали ответственные лица, все очень серьезно, я не могу вмешиваться в ход событий.

– Можно потребовать у милиции, – неожиданно встряла Вера, – чтобы вас расписали без очереди. В конце концов, Лайма – пострадавшая сторона!

У подружки невесты от волнения побелел нос. Она и сама не верила в то, что это будет наилучшим выходом.

– Но Лайма вряд ли захочет выходить замуж в спешке, – возразил Травин, покосившись на очкастого. Тот стоял, как мраморная статуя, и смотрел в пуговицу на его смокинге. – Кроме того, даже если мы сейчас поженимся, сразу же и расстанемся. Какой в этом смысл?

– То есть когда я осталась без платья, без фаты, без обуви, без прически, ты готов был тащить меня под венец. Но стоило только появиться настоящему препятствию, как ты немедленно пошел на попятный.

– Я не пошел на попятный, – злобно бросил Травин. – Я буду хранить кольца столько, сколько потребуется.

– Решай, Андрей: или сейчас – или никогда!

– Перестань дурить, – рассердился он и раздул ноздри. – Ты выставяешь меня посмешищем в глазах окружающих.

– Ах, так! – воскликнула оскорбленная Лайма. – Да я лучше выйду замуж за Беседкина, чем за тебя. Ты... – Она задохнулась от возмущения. – Обидчивый, злопамятный и трусливый сукин сын! Ты готов драться на кулаках с незнакомыми мужиками, потому что ты это умеешь и любишь! Но как только запахло жареным, ты поджал хвост!

– Ты меня обманула! Ты сказала, что работаешь в независимом Центре культуры. А сама...

– Достаточно, – холодно сказал очкастый, и Травин мгновенно прикусил язык. – Лайма, машина ждет.

Незадачливая невеста поцеловала пунцовую Веру в щеку, помахала рукой обалдевшим гостям и, гордо задрвав подбородок, отправилась к низкому автомобилю с затемненными стеклами. Перед тем как сесть в машину, она в последний раз посмотрела на Травина. И это был взгляд не слабой женщины, а командира группы «У» – решительного и не знающего сомнений.

* * *

– В общем, командир, – прогудел Медведь, который в особо ответственные моменты любил обращаться к Лайме по-военному, – тут такие дела творятся! Женьке здорово досталось за то, что он помчался тебя предупреждать.

Иван Медведь, огромный и мощный, с добрыми глазами цвета ирисок, как-то уж очень откровенно радовался тому, что Лаймина свадьба расстроилась. Он напускал на себя мрачный вид, озабоченно хмурил лоб, но справиться со своим хорошим настроением не мог. А может быть, ему нравилось быть спецагентом и просто не терпелось ввязаться в очередную схватку? Лайма точно не знала. Как бы там ни было, но при виде Ивана ее ожесточившееся

сердце немного смягчилось. Медведь принадлежал к тому сорту мужчин, рядом с которыми не хочется быть стервой.

– Со мной ведь у них тоже была неувязочка, еле разобрались.

– Неувязочка? – криво ухмыльнулся Корнеев. – В Баренцевом море сегодня случилась Трафальгарская битва. Точнее – в акватории... залива.

– Выходит, битвы сегодня повсюду, – мрачно заметила Лайма.

Все трое членов группы «У» находились в большой, официально обставленной комнате с тяжелыми шторами, которые помогают забыть о том, что на свете существует солнце, небо и большой мир, полный цветов и кузнечиков.

– Я честно хотел спасти твой брак, – сочувственно сказал Корнеев. – Но в ближнем бою подкачал.

– Хорошо, что не спас, – заметила Лайма. – Получилась такая небольшая проверка на вшивость. Я имею в виду моего жениха. То есть бывшего жениха.

Все трое скорбно помолчали, прощаясь с идеей выдать Лайму замуж этим летом. Наконец Корнеев очнулся и заговорщическим тоном сообщил:

– Я тебе сейчас кое-что расскажу, и ты поймешь, что все мы – жертвы обстоятельств.

– Каких еще обстоятельств? – насторожилась Лайма.

– Ну, как мне объяснили, обстоятельств непреодолимой силы. Значит, дело было так. Когда мы встречались последний раз, в ресторане, ты мне отдала на хранение секретный мобильный. Ну, по которому с нами связывается куратор. Помнишь?

– Еще бы я не помнила! Хотела замуж спокойно выйти, поэтому и просила его выключить. Во избежание всяких недоразумений. Думала завязать с приключениями. Наивная...

– Я его честно выключил. Потому что тоже решил вернуться к нормальной жизни, – патетически заявил Корнеев.

Разумеется, он лукавил. Нормальной жизнью он никогда и не жил, сутками пропадая в виртуальном пространстве. Самое удивительное, что, будучи «повернутым программмером», он ухитрялся замечательно выглядеть и кружить головы хорошеньким дурочкам, терявшим остатки разума при виде его сногшибательной физиономии. – Я вообще забыл про этот мобильный! Сколько он молчал, как простой кусок железа? Месяцы! Годы!

– Жень, ты того, – напомнил ему Медведь, – рассказывай давай по делу.

– Так вот, – продолжил Корнеев. – Вчера приходит мне на почту сообщение: «Включи телефон». Три восклицательных знака в конце, а подписи нет. Я сначала не понял, в чем дело. Адрес отправителя мне неизвестен, поэтому решил, что это глупая шутка или недоразумение. Опять приходит письмо – текст тот же, только восклицательных знаков больше, семь штук.

– Зачем ты их считал? – удивился Иван.

– По инерции. Почему-то ведь их стало больше? Но не в этом дело. Через час снова письмо – количество восклицательных знаков все увеличивается.

– А подписи все нет? – уточнила Лайма.

– Нет. Меня все это уже завело – попробовал пробить адрес. И – ничего. На всякий случай проверил свой мобильник, потом городской – работают. Тут-то я и догадался, в чем дело.

– Но как они узнали, что аппарат у тебя? – нахмурился Медведь.

– В принципе это осуществимо. Ведь местонахождение мобильного можно отследить, есть технологии, а я, когда принес его домой, не сразу вырубил. Тогда меня, наверное, и засекли.

– Не наверное, а точно, – сказал Медведь. – Телефон как пить дать на постоянном контроле.

– Угу, – согласился Корнеев. – На контроле – так на контроле. В общем, включил я телефон – проверить, правильно ли я понял эти сообщения. Через некоторое время – звонок. И слышу – знакомый голос.

– Тагиров? – коротко спросила Лайма.

– Он самый. Пришлось ему объяснять, почему секретный сотовый оказался у меня. Тагиров говорит – завтра срочный сбор группы. А мне приказал вам передать информацию, когда и где.

Я ему пытаюсь объяснить, что у тебя завтра свадьба и ты не захочешь даже разговаривать о каких-либо заданиях, а Иван вообще уехал рыбу ловить на Кольский полуостров. Так он – ни в какую. Группу необходимо немедленно собрать, и точка! Любыми путями. Я говорю – у человека свадьба, давайте немного отложим задание, а он как раскричался! Свадьбу, говорит, можно перенести, рыбалку – тем более. А задание отложить нельзя, настолько все серьезно. Я опять объясняю ему, что ты, Лайма, даже разговаривать с ним не будешь и, в общем, правильно сделаешь. Ты же присягу не принимала.

– Вы тоже не принимали, – напомнила Лайма. – Мы с вами вообще, если разобраться, не пришей кобыле хвост. – В ее глазах вспыхнула обида. – Значит, Тагирову было наплевать на мою свадьбу?

– Тагиров заявил, что приказ не обсуждается, что он назначит ответственного за своевременную доставку всех членов группы «У» в условленное место. Вот и назначил... Этого Штирлица.

Лайма поняла, что Корнеев имеет в виду очкастого.

– Почему Штирлица? – удивился Иван.

– Потому что зовут его Максим Максимович. Полный тезка нашего штандартенфюрера.

– Отвратительная рожа, – скривилась Лайма. – И посмотри, какой коварный! Лимузин к моему дому пригнал с ленточками... Стратег хренов...

– Операцию по захвату Ивана тоже разрабатывал он.

– А что это еще за операция по захвату? – заинтересовалась Лайма.

– Такая эпопея, доложу я тебе, – оживился Корнеев, поняв уже, что командир группы «У» не будет биться в истерике и оплакивать свой неудавшийся брак. – Иван с приятелями-моряками вышли в море на катере. Причем успели не только рыбку поймать, но и широко отметить это дело. А тут – спецназ на вертолете за Медведем прилетел. Они хотели его мирно доставить на берег для дальнейшего препровождения на самолете из Мурманска в Москву. Да пусть он сам рассказывает!

– Чего рассказывать, – проворчал Иван. – Не могли спокойно все объяснить! Спустили лестницу и стали сверху орать, чтобы я поднимался. На море качка, волны, ветер, вертолет жужжит, эти чудики орут что-то сверху, разобрать невозможно. Кстати, приятели мои, с которыми рыбачил, – морские пехотинцы, каждый по две-три войны прошел. Они нервные, на крики реагируют плохо. А тут еще на палубу вдруг стали прыгать люди в камуфляже – видимо, хотели объяснить, зачем прилетели, но мы ведь не очень трезвые были и как-то неправильно их поняли.

– Не очень трезвые, – усмехнулся Корнеев. – Скажи лучше – очень нетрезвые!

– Ну, допустим, – покорно согласился Иван. – Но все равно, зачем же десантироваться на наш катер, как будто мы – американский ракетный крейсер? В общем, произошла схватка.

– Схватка! – опять влез в разговор Корнеев. – Они избili офицера, который пытался передать Медведеву сообщение, затем спецназовцев, которые пытались вмешаться, потом захватили вертолет и начали с него ловить рыбу! Успокоились, только когда им по радиации сообщили, что командование готово прислать для их усмирения истребители. От тюремной камеры их спасло лишь вмешательство Максима Максимовича, который, бегая за Лаймой, параллельно звонил в Мурманск. В общем, рыбалка удалась, да Иван?

Медведь лишь вздохнул и развел мощными руками.

– Так или иначе, но вся группа в сборе, – подвела итог Лайма, получившая большое удовольствие от рассказа. – Я свободна, в смысле – не замужем. Иван на свободе, в смысле –

не в тюрьме. Евгений с нами, то есть – не в Сети. И теперь хотелось бы понять, ради чего было устроено столь грандиозное представление. Неужели это действительно настолько важно?

– Очень важно! – вдруг раздался хорошо поставленный и очень знакомый голос. Все трое одновременно обернулись и увидели направляющегося к ним Игоря Тагирова.

Реакция Лаймы на его появление была мгновенной и весьма негативной. Развернувшись к Тагирову всем телом, она уже открыла было рот, собираясь, наплевав на субординацию, высказать ему все, что накопилось в душе за последние несколько феерических часов. Однако находчивый Тагиров, готовый к подобной встрече, сумел опередить ее.

– Лайма, ради бога, прости. И вы, ребята, тоже. – Он поднял руку в успокаивающем жесте. – Времени – в обрез. Сейчас я объясню ситуацию, и вы сами поймете, что в данных обстоятельствах нельзя было действовать иначе. В принципе Евгений кое-что знает, ему Максим Максимович рассказал.

– Только в общих чертах, – уточнил Корнеев.

– Значит, цель оправдывает средства? – все-таки не удержалась Лайма и съязвила: – Нам придется охранять артистов китайского цирка от вооруженного нападения тибетских повстанцев?

– Китайский цирк действительно приехал на гастроли, – удивился Тагиров. – У вас есть какие-то подозрения?

– Господи, да нет. Просто я вчера афиши видела, – махнула рукой Лайма и закатила глаза: эти люди все воспринимают всерьез!

– Я считаю, что кроме вас послать на это задание некого.

Все трое невольно подобрались, а простодушный Медведь спросил:

– А что за срочность-то?

– Вот сейчас все и узнаете, – повел бровью Тагиров. – Прошу следовать за мной.

И он сделал широкий приглашающий жест куда-то в глубь комнаты.

Смирившиеся с неизбежным, члены группы «У» покорно двинулась за ним. Пройдя через высокую дверь, задрапированную тканью густого бордового цвета, они оказались в другом помещении. Это был небольшой кинозал с экраном во всю стену и несколькими рядами изрядно потертых кресел.

– Рассаживайтесь, где удобно, – пригласил Тагиров.

Лайма, Корнеев и Медведь, не сговариваясь, уселись в первом ряду и молча уставились на своего босса, который остался стоять.

Увидев, что публика готова и ждет с нетерпением, тот стал расхаживать перед ними неторопливым шагом оксфордского профессора. Дождавшись, пока Медведь перестанет скрипеть креслом, Тагиров заговорил:

– Не буду смущать вас патетикой, вы тертые калачи и о делах государственной важности знаете не понаслышке. Так что сразу приступлю к делу.

– Цивилизация под угрозой, – замогильным голосом сказал Корнеев, который терпеть не мог официоза и всегда нарушал порядок. – На землю напали ядовитые пауки из созвездия Скорпиона!

– Господин Корнеев, заткнитесь, пожалуйста, – сердито перебил его Тагиров. – Хоть я и испытываю к вам почти материнские... Тьфу! Отцовские чувства, всему есть предел.

– Он уже молчит, – пообещала Лайма и больно ущипнула Корнеева за локоть.

– Ай! – воскликнул тот и гневно посмотрел на своего командира, а точнее, командиршу, которая решила вдруг воспользоваться чисто женским приемчиком.

– Вот и отлично, – удовлетворенно кивнул Тагиров. – Значит, так. Завтра в городе Чисторечке открывается фестиваль народной музыки и самобытного исполнительского мастерства. Фестиваль международный, на него приедет чертова прорва иностранных граждан. Участники соберутся со всех концов света.

Повисла пауза, во время которой Лайма, Корнеев и Медведь успели обменяться недоуменными взглядами.

– Понимаю ваш невысказанный вопрос, – бодро продолжил Тагиров. – И постараюсь объяснить. В городе Чисторецке помимо прочих достопримечательностей есть институт прикладных нанотехнологий. Новый институт, молодой. Он создан меньше года назад на базе одного местного оборонного НИИ. Вы наверняка в курсе, какое значение придают сегодня этой перспективнейшей научной отрасли на самом высоком уровне.

– Премного наслышаны, – согласился Корнеев, нахватавшийся знаний в Интернете.

– Пару месяцев назад сотрудники этого института, заместитель директора по науке Полянский и его правая рука, один из ведущих специалистов Мельченко полетели на международный симпозиум по нанотехнологиям в Брюссель. Событие вроде бы рядовое, однако оно сопровождалось некоторыми подозрительными происшествиями. Сначала из аэропорта исчез багаж ученых, который потом волшебным образом объявился уже в отеле. Далее. На протяжении всего пребывания российской делегации в Брюсселе было отмечено необычайно пристальное внимание к ней со стороны довольно странных благотворительных организаций и даже одного культурного фонда: попытки завязать дружеские и деловые контакты, попытка заинтересовать финансовой поддержкой, грантами и так далее. В завершение всего зафиксирована хакерская атака на компьютерную сеть отеля, где остановились наши представители. Все было похоже на традиционную шпионскую суету с целью по случаю выведать какие-нибудь секреты. Но определенные выводы мы сделали.

Теперь самое любопытное. То, что именно в Чисторецке послезавтра откроется фестиваль народной музыки и самобытного исполнительского мастерства, может показаться случайным совпадением, однако есть одно настораживающее обстоятельство. Как мы выяснили, два года подряд этот фестиваль проводили в Сызрани, и все там было замечательно. Но вдруг туда приходят новые зарубежные спонсоры с очень большими деньгами, вводят в оргкомитет несколько своих людей и меняют место уже привычной дислокации под тем предлогом, что хорошо бы фестиваль гостил каждый год в новом городе. А для начала выбрали Чисторецк, где, по их сведениям, очень много самобытных народных коллективов.

– А их правда много? – спросил наивный Медведь.

– Не больше, чем в других местах. Даже меньше. Когда мы наводили справки, нам в управлении культуры сказали, что есть какой-то народный ансамбль бабушек-чечеточниц. И все.

– Они же наверняка в лаптях! – воскликнул Корнеев. Как же они лаптями чечетку отбивают?

Тагиров на секунду задумался, потом досадливо отмахнулся:

– Слушайте, ну что вы все выдумываете какую-то чепуху? Какие лапти?!

Лайма потянулась, чтобы снова ущипнуть Корнеева за локоть, но он немедленно дернулся и заранее сказал:

– Ай, больно же! Слушайте, я уже все понял. Нас зашлют на фестиваль и заставят там что-нибудь выделывать. Думаю, основная нагрузка падет на плечи Ивана. Слышь, Иван? Ты же рассказывал, что умеешь играть на пиле, балалайке и стиральной доске!

– Вы это серьезно? – с живым любопытством спросил Тагиров, и глаза его азартно сверкнули.

– Ну, умею немного, – подтвердил Медведь. – Наша часть стояла в одном городке. Так там дедок был – кочегаром у нас в котельной подрабатывая. Виртуоз по части игры на всякой утвари – ложки, плошки, пилы, стиральные доски. А нам, как обычно, делать нечего было, он нас и обучал понемногу. Если бы не передислокация, я бы сейчас такой класс показывал!

– Отлично, отлично, – сказал Тагиров. – Уважаю людей, которые проводят досуг с пользой. Практика показывает, что ни один приобретенный навык не пропадает даром – рано или поздно подворачивается случай его применить.

– Вы серьезно, да? – расстроился Медведь. – Я думал, силовая операция. А тут – на пиле играть...

– Да дайте же человеку договорить! – рявкнула Лайма.

Тагиров посмотрел на нее с благодарностью и продолжил:

– В общем, появились эти спонсоры словно из ниоткуда – и вдруг такой размах. Проверки пока ничего не дали: как ни посмотри, все честно и построено на чистом энтузиазме и безграничной любви к народному творчеству всех стран мира. Но очень хотелось бы понять, отчего вдруг для проведения фестиваля выбран именно Чисторецк – маленький, небогатый. Да и с дорогами там проблемы. Чтобы подготовить площадку для фестиваля и разместить всех гостей, новым спонсорам пришлось вбухать столько денег, что на них можно было построить рядом новый город, побольше и посимпатичнее. В общем, есть опасения, что весь этот фестиваль – большая дымовая завеса для каких-то темных дел.

– То есть вы связываете фестиваль и разработки института в одну цепочку? – спросила Лайма.

– Не то чтобы связываем... Мы просто настороже. Ведь институт еще только начинает свою деятельность: формируется коллектив, идет реконструкция помещений и строительство второго корпуса, завозится оборудование. Строго говоря, никаких серьезных разработок там пока не ведут, только примеряются к проблемам. Поэтому и красть нечего.

– Документы, секретные материалы? – коротко спросил Корнеев, покосившись на Лайму.

– Ничего, что могло бы заинтересовать столь решительных господ, – твердо ответил Тагиров.

– Может быть, их интересуют сами ученые? – предположил Корнеев. – В смысле убить их хотят или похитить.

– Вряд ли. Если убить, то с какой целью? Ученых убивают редко. Это все равно что убивать кур, несущих золотые яйца. Похитить – практически исключено. Судя по Брюсселю, с ними хотят о чем-то договориться. Но и это еще не все. Из одного, хм, ненадежного источника нам стало известно, что в ближайшее время в страну въедет тройка террористов. Как въедет, когда, куда и с какой целью – мы не знаем. Некоторые наши аналитики считают, что этот факт нельзя упускать из виду.

– Так почему же вы не разворачиваете настоящую операцию? – спросил Медведь изумленно. – У вас же силы есть.

– И наверняка полно средств, – поддакнул Корнеев.

– Я же сказал: источник ненадежный. Предположения туманны. Мы держим ситуацию под контролем, но не хотим особо светиться.

– Чтобы не спугнуть подкрадывающегося хищника, – подытожила Лайма. – Понятненько.

– А спросить самих ученых нельзя? – поинтересовался Медведь, любивший во всем ясность. – Что они думают по этому поводу?

– Не все так просто, – покачал головой Тагиров. – Если они честные люди – обидим. Если что-то скрывают – себя раскроем раньше времени. Тем более не знаем мы ничего толком. Конкретики никакой, одни подозрения и догадки. В любом случае вокруг этих ученых в последнее время происходит слишком много возни.

– Они под подозрением? – жестко спросил Корнеев, изображая заправского шпиона, каким он представлял их по голливудским фильмам.

– Не под подозрением, но в центре внимания, – ответил Тагиров. – Сейчас я вам немного о них расскажу.

Итак, лет двадцать назад группа ученых, трудившихся в одном из крупных НИИ оборонной промышленности, билась над непростой задачей: как нанести предполагаемому противнику серьезный ущерб, не используя ядерное оружие, баллистические ракеты и прочие дорогостоящие и сложные в доставке устройства. Только вот необходимых результатов не получили, поэтому все их проекты временно прикрыли. Затем грянули перемены в стране – перестройка, разоружение в одностороннем порядке, конверсия и все такое. Коллектив этого института разбежался. Время, помните, какое было? Зарплат не платили, научные работники на рынках торговали, картошку выращивали. Распалась и эта группа, которую возглавлял физик-теоретик Михаил Семенович Полянский, академик, когда-то специально переехавший из новосибирского Академгородка в Москву для того, чтобы возглавить проект. В группу также входил его близкий друг и единомышленник Мельченко Григорий Борисович, признанный химик, хорошо известный в научных кругах своими яркими публикациями в специализированных журналах и шумными выступлениями на международных симпозиумах и конференциях. Третьим членом команды был Иван Сергеевич Шатков, ученый-геолог. Его пригласил в проект Мельченко, с которым они часто общались на крупнейших научных мероприятиях.

Полянский и Мельченко, невзирая на происходящее, продолжали числиться в этом никому не нужном московском институте на руководящих должностях. Хотя последние несколько лет института, собственно, там уже и не было – здание приватизировали какие-то ушлые ребята, почти все помещения были сданы в аренду. Полянскому и Мельченко неоднократно предлагали интересную работу, звали преподавать, в том числе и в зарубежные университеты, но они хранили верность своему научному «Титанику». Чем они там занимались все это время – одному Богу известно. Скорее всего – ничем, так как финансирование их программ было прекращено еще в 1991 году.

А вот Шатков ушел в бизнес, он теперь достаточно известный предприниматель, занимается сельскохозяйственным производством, имеет несколько консервных заводов, птицеводческие хозяйства, торгует зерном. Все это стало возможным не без поддержки его брата, довольно долго проработавшего в президентской администрации. Может быть, Шатков даже материально поддерживал бывших коллег и приятелей.

Так вот. Около года назад Полянский и Мельченко неожиданно покидают столицу и перебираются в маленький городок Чисторецк, в институт прикладных нанотехнологий. Полянский сразу занял должность заместителя директора по науке. Так как кандидатура директора до сих пор не утверждена, Полянский фактически руководит институтом. Мельченко при этом заведует сразу двумя ведущими отделами. В самом этом факте вроде бы ничего удивительного нет – два известных ученых приглашены для руководства перспективнейшим направлением современной науки. Ради этого можно и Москву бросить. Но мы выяснили, что получить работу в институте прикладных нанотехнологий Полянскому и Мельченко удалось не сразу. Рассматривались другие, не менее достойные кандидатуры. Тем не менее утвердили их. Считается, что не обошлось без очень серьезного телефонного звонка сверху.

И теперь еще об одном интересном совпадении, которых, как видите, набралось уже достаточно. Буквально через месяц после утверждения Полянского и Мельченко на должности под Чисторецком тихо и без помпы открылось новое сельхозпроизводство, принадлежащее агрохолдингу Шаткова. До сих пор этот весьма удаленный от Москвы регион его совершенно не интересовал.

Конечно, сами по себе все эти перемещения из города в город, новые назначения и любопытные совпадения не привлекли бы нашего внимания. Но в связи с вновь возникшими обстоятельствами эти частные истории частных людей видятся в несколько ином свете.

Именно поэтому мы были вынуждены срочно собрать группу «У». Ваша задача очень проста. Вернее, у вас вообще нет никакой определенной задачи. Мы просто рассчитываем на вашу ловкость и сообразительность. Ну, и на везение, разумеется! Прибудете в город, устро-

итесь, оглядитесь по сторонам, познакомьтесь с участниками фестиваля. Авось кто-нибудь покажется вам подозрительным. Можете также последить за учеными.

– Короче, наша задача – слиться с пейзажем, – подытожил Корнеев, – и держать ухо востро.

– Лучше и не скажешь, – подтвердил Тагиров.

– А если и в самом деле в Чисторецк террористы приедут? – спросил Медведь с опаской. – Вдруг они что-нибудь взорвут? А потом выяснится, что они сами по себе террористы и никакого отношения к ученым не имеют?

– Может быть и так, – согласно кивнул Тагиров. – Тут вам и карты в руки.

– А приметы террористов известны? Хоть какие-нибудь? – уточнил Иван. – Ну, самые мелкие?

– К сожалению, нет. Мы знаем лишь, что приедут они все втроем. Вместе.

Лайма и ее товарищи переглянулись, пытаясь понять, как нужно оценивать данные перспективы.

– Мы ничего не смыслим в народной музыке, – выпалил долго молчавший Корнеев.

– Кроме того, мы ничего не смыслим ни в физике, ни в электронике, ни в геологии, – развила тему Лайма. – И вряд ли сможем определить степень угрозы национальной безопасности в этих областях.

– В нанотехнологиях мы понимаем еще меньше, – добавил честный Медведь.

– Вам и не нужно ничего понимать, – ответил Тагиров. – Я же сказал: мы не ждем от вас конкретных результатов. Так на каких, говорите, музыкальных инструментах вы играете?

– Это не смешно, – сердито бросила Лайма, памятуя, что ей как командиру группы придется нести ответственность за все грядущие безобразия. – Мы вот так придем в конкурсную комиссию и скажем: «Здрасьте, хотим тут у вас выступить»?

– Не совсем так. – Тагиров был само спокойствие. – Мы уже все продумали и подготовили. В свое время подавал заявку один фольклорный коллектив из-под Сыктывкара. Называется «Заводные матрешки». Музыкальное направление... – Тагиров заглянул в какую-то бумажку и медленно зачитал: – Фолк-панк-фьюжн. Они указали, что в их составе возможны замены, так как у некоторых солистов и музыкантов могут возникнуть проблемы с выездом.

– Что, посольство Чисторецка в Сыктывкаре визы не оформляет? – поучаствовал в диспуте Корнеев.

– Ладно вам, – отмахнулся Тагиров. – Там одна дама должна вот-вот родить, а вокалист недавно лечился от алкоголизма, и руководитель боится рецидива.

– Хорошенькие дела! – оценила услышанное Лайма. – И мы должны будем выступать на сцене вместо отсутствующих пьяных и беременных матрешек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.